

Дарья Вдовина

Сакрум

И мы все сгорим...

16+

Дарья Вдовина

Сакрум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623600

SelfPub; 2020

Аннотация

По роковой ошибке оказавшись среди призывников, Юнис с ужасом понимает, что ее ждет отправка за стену, на зараженную территорию, которая после Заключительной Войны покрывает большую часть планеты. Всем известно, что оттуда не возвращаются... Но назад пути нет. Вместе с другими молодыми парнями и девушками, разлученными со своими родными, Юнис предстоит столкнуться с неизведанным миром и попытаться в нем выжить. А пока в ее кровь вводят странную сыворотку, обещающую совершить с ней непредсказуемые метаморфозы или убить... Но что лучше: умереть сейчас в больничной палате или быть растерзанной безумными существами, обитающими за стеной?

В оформлении обложки использована работа автора Artem Chebokha «Regular Magic» с <https://www.artstation.com/rhads>

*Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.
(У. Шекспир, Сонет 8)*

Пролог

А что, если бы наша память не исчезала вместе с нами? Если бы существовала возможность передать все свои мысли, чувства и воспоминания своим детям? Могли бы мы исправить те ошибки, что совершали люди поколения за поколениями, эпоха за эпохой? Или человек навечно обречен идти по кругу?

Близился рассвет. Влажный тяжелый воздух наполнился безмолвной тишиной. Ее нарушали только последние капли дождя, упорно барабанившие по деревянным ступеням крыльца. Где-то вдали небо время от времени освещали редкие вспышки молний. Вокруг царило напряжение с примесью тревоги, и все живое будто замерло в ожидании чего-то неизведанного.

На крыльце сидел рыжеволосый юноша. И он тоже словно чего-то ждал. Его угольно-черные глаза всматривались в туго натянутое небо, в тяжелое серое полотно, укрывшее в это

утро небольшой фермерский городок. Тучи медленно рассеивались, позволяя глазам юноши впитывать в себя остаток своей темноты. Темноты или даже грязи, которой был полон весь воздух, и от которой было тяжело дышать уже много лет. Сколько Ксандер себя помнил, ему всегда не хватало воздуха.

Острый взгляд остановился на величайшем сооружении нынешнего мира – огромной стене, которая однажды спасла остатки человечества и спрятала их за собой, позволив и дальше существовать на этой планете. Но что за ней кроется? Как выглядит изнанка этой стены? Ксандер часто пытался пронзить взглядом непроницаемую преграду и вообразить, что прячется снаружи. Ведь когда-то людям была доступна вся планета. И Боже! даже представить сложно, сколько всего прекрасного открывалось человеку! Столько дорог и возможностей у него было! Интересно, что тогда ощущали люди? Что чувствовал человек, когда был свободен? О чем думал, если не о том, как стать свободным?

Тяжелые веки опустились на усталые глаза. Юноша провел рукой по своим мокрым волосам, а затем влажной ладонью вытер лицо. Краем уха он слышал, как отдаляется военная машина, покидая их поселение. Каждый знал, зачем сюда приезжали военные. Ксандер слушал удаляющийся звук мотора и пытался представить, что ощущает призывник, которого только что забрали из дома. Страх? Гордость? Может быть, надежду? Определенно, Ксандер бы испытывал все эти

чувства.

Страх, потому что дальше одна неизвестность. Потому что призывники уходят за стену, о которой никому, кроме правительства и военных, ничего не известно. Потому что обратно домой никто и никогда не возвращается. Страх, потому что представить, что ты больше никогда не увидишь своих близких, равносильно смерти. Страх, потому что твоей прежней жизни наступает конец, и начинается нечто новое.

Гордость, потому что ты защитил своих родных. Одна семья – один призывник. Забирают первого по старшинству в возрасте от восемнадцати до тридцати лет. Также есть правило – из ста городов и деревень набирают ровно сто призывников. Из каждого поселения посредством жребия, то есть чистой случайности, избирается только один счастливчик, как говорят люди у власти, или же несчастный, как считают в народе. Однако, вопреки другим чувствам, призывниками принято гордиться.

И надежда. Ксандер был уверен, что ее испытывают все, только по-своему. Кто-то надеется не наложить в штаны от страха, кто-то просто выжить, а кто-кто, возможно, надеется умереть без боли. Но для самого Ксандера надежда рисовала другие картины. Юноша знал, что однажды его заберут на службу, ведь он старший из детей в доме, многие семьи в городке уже отдали долг государству, а население в Стеллактиве не такое уж и большое. Его заберут, и надежда его

будет о другом – о мире за стеной, который на самом деле прекрасен, как и раньше. Пусть он таит в себе множество опасностей, но все же это не ад, которым его представляют в детских страшилках. Ксандер был уверен, что для него призыв на службу станет новым шансом к открытию.

Вот только разлуку с семьей представить было сложнее, чем мир за стеной. Мама и две младшие сестры – это единственное богатство, которым владел Ксандер, и которое так боялся потерять. В этом году тяжелая участь обошла их дом стороной, но однажды страшный час настанет. Настанет...

От былого спокойствия не осталось и следа. Мысли о разлуке с семьей взбудоражили парня. Он не знал, куда деть свои руки и засунул их в карманы. Неожиданно нащупав что-то холодное, Ксандер достал из своих поношенных брюк запыленный медальон на цепочке, который нашел вчера вечером, работая на ферме. На круглом значке красовался меч, на рукояти которого балансировали весы. Знак Фемиды, насколько знал Ксандер из книг. По кругу была выгравирована надпись. Она была изрядно потерта, и ее стало уже невозможно прочесть. Наверное, медальон лежал в земле еще со времен прошлых владельцев. Возможно, еще до Заключительной Войны.

Неожиданно за спиной юноши скрипнула дверь, и в проеме показалась его семнадцатилетняя сестра Юнис. Она молча сошла по ступеням крыльца и встала напротив брата в ожидании, когда он поднимет свое лицо. Юноша взглянул

на нее. В глаза бросилась россыпь веснушек, становившаяся ярче на летнем солнце. Невольно уголки губ на лице парня поползли вверх. Он и не заметил, как кончился дождь и из-за горизонта выглянуло солнце.

– Ты слышал, кого забрали? – с нескрываемым любопытством спросила Юнис. – Ксандер! – она махнула рукой перед задумчивым лицом парня. – Опять задумался? Ладно, и без тебя узнаю...

Ей была свойственна манера не дожидаться ответа собеседника.

– Мама уже готовит праздничный завтрак, – произнесла девушка, заплетая в косу свои длинные рыжие локоны, выходящие до пояса.

– Здорово, – пробубнил себе под нос Ксандер и убрал медальон обратно в карман.

– Что там? – успела заметить девушка. – Покажи!

– Нет, – усмехнулся парень, защищаясь от ловких попыток сестры забраться к нему в карман. – Это кое-что заветное.

– Опять? – разочарованно вздохнула девушка, опустив руки. – И когда ты мне его отдашь?

«Что-то заветное» – это было чем-то вроде игры. В этом бедном и скучном поселении сложно было приобрести что-то, чего не было у каждого второго жителя. И если Ксандеру или Юнис удавалось наткнуться на нечто стоящее, они придумывали друг другу задания, выполнив которое, можно

было заполучить заветную вещьцу.

– Я отдам его тебе, если... – парень впал в задумчивость на некоторое время. – Если ты докажешь, что сильнее меня.

– Нечестно! – чуть ли не взвыла Юнис. – Так нечестно! А ну покажи!

Она снова попыталась достать находку из кармана брата, но тот не дал ей и шанса нарушить правила. Все должно быть по-честному.

– Надоела эта игра! – раздраженно воскликнула девушка. – Можешь забирать себе.

Парень рассмеялся, потрепав сестру по волосам, и медленно зашагал к маленькой овчарне, где прятались от дождя дрожащие глупые животные. Нужно было их вывести на пастбище.

Юнис окинула взглядом небо. Совсем рассвело. Темные тяжелые тучи покидали долину. В соседних фермах горлалили первые петухи. Городок вновь оживал. Девушка закрыла глаза, глубоко вдохнув свежий утренний воздух, затем встрепенулась и последовала за братом.

Юноша уже открыл загон. Шесть больших облаков шерсти белоснежным рядом шли друг за другом, а позади вальяжной походкой вышагивал бордер-колли, уже старый, но достаточно энергичный для своих лет. Он радостно завилял хвостом, завидев Юнис, но не посмел оставить овец и продолжал возбужденно взвизгивать издали.

– Привет, Гендальф! Доброе утро, дамы! – обратилась она

к кудрявым тушкам, совершив реверанс.

Ксандер усмехнулся и закрыл дверь овчарни. Они неспешно направились к сегодняшнему пастбищу – большой поляне прямо у леса. Гендальф дал себе волю и побежал вперед на разведку. Солнце медленно поднималось на свой трон. Его лучи выглядывали из-за верхушек деревьев, разбрызгивая свет по шелковой зеленой траве перед шагающими овцами.

– Мы с Пенни после обеда пойдем в поход. Ты с нами? – заговорила Юнис.

Пенни – это еще одна его младшая сестра. Ей всего семь.

– Хм... разве у меня есть выбор? Девчонкам одним не выжить в суровом лесу, – улыбнулся Ксандер.

– Уверен? Аллергия не разыграется? – на всякий случай спросила девушка, так как хотела всегда быть готовой к неожиданному приступу брата. Он страдал бронхиальной астмой и всю жизнь мучился с аллергией на цветочную пыльцу, а в середине июня в лесу ее хоть отбавляй.

– Все в порядке, я запасусь лекарствами.

– Я лучше сама их возьму, – Юнис задумалась минуты на две, перечисляя в уме, что еще ей нужно взять в поход. Ксандер наблюдал за ее задумчивым лицом. У этой девчонки всегда все под контролем.

Дома их ждал праздничный завтрак, который приготовила мама, ведь их семью не тронули в этом году. Но брат с сестрой не спешили возвращаться. Они долго лежали на влажной

траве, разглядывая белые бегущие облака. Ксандер слышал, как где-то поблизости жужжит шмель, пролетая над душистыми цветками, шумит лес, зазывая в свою манящую тень, шелестит мягкая ласковая трава, и как с треском ее рвут проголодавшиеся овечьи рты. Все эти звуки вселяли в его душу спокойствие. Время будто остановилось. Все ненужные тяжелые мысли исчезли. Хотелось продлить этот момент навечно...

– Как хорошо, что мы живем по эту сторону стены, – проговорила Юнис, лежа рядом с братом и прикрывая ладошкой глаза, глядящие в лазурное небо. – Иногда мне кажется, что на той половине планеты облака всегда черные и нет такого спокойствия, как здесь.

Ксандер ничего не ответил.

– А ты как думаешь, что там?

– Я не знаю, – произнес юноша. – Нам не положено об этом думать.

Юнис многозначительно вздохнула.

– Но ты ведь постоянно это делаешь, – с упреком произнесла она, перевалившись на бок и подперев рукой голову. – Постоянно смотришь на стену. Слышал, что там, как говорят, существует зима? Прямо как при наших предках. Представляешь, там так холодно...

"Зима, – подумал Ксандер. – Что в ней такого плохого?". Снег, который он видел в старых фильмах, не казался чем-то ужасным. Ведь раньше люди выживали во время зимы, как-

то боролись с холодом, даже становились ближе друг к другу, чтобы согреться. А теперь вечное лето. Оно прекрасно, но...

– И там нет людей. И никого нет. Только пустота...

Ксандер улыбнулся. Он не верил, что правительство управляет призывников за стену ради какой-то пустоты. Там явно что-то есть. Очень важное. То, что должно стоить сотни ежегодных призывников, расстающихся с семьями...

– И там нет чистой воды...

Не выдержав, Ксандер резко сел и заговорил горячо и воодушевленно:

– А что, если все это детские сказки, чтобы нас напугать? – его охватило возбуждение, глаза загорелись. – Может, нас просто обманывают? Даже если там зима, тебе никогда не хотелось там побывать? Наши предки там жили, вся планета была обитаема, не было никаких двух миров! Ведь никаких доказательств, что та половина...

– Ксандер, – прервала его Юнис с улыбкой. – Стену возвели не просто так. Те, кто ее строил, защищали нас от опасности. Все знают, что Заключительная Война...

– Да-да, – разочарованно вздохнул парень. – Уничтожила большую часть планеты.

– И на той стороне осталась зараженная территория, где кишат разные твари, цветы разговаривают, а животные...

– Ну, ты разошлась! – усмехнулся Ксандер. – Только что говорила, что там никого нет!

– Ну, кто-то говорит одно, кто-то другое, – замялась

Юнис.

– У тебя слишком богатая фантазия, которая все впитывает, – ответил парень.

Юнис довольно улыбнулась.

– В любом случае, за стеной смерть и разруха. А уж в каком именно виде не так важно.

Юноша приложил руку к груди, внутри которой бешено билось сердце. Если Юнис считает, что там царит ад, это еще не значит, что она права. Ксандер повернул голову к сестре, удивившись, как она может так легко говорить подобное.

– А я слышал, что призывников отправляют на плантации за стеной, чтобы воскрешать мертвые земли.

– Ложь... – Юнис усмехнулась, невозмутимо наблюдая за облаками.

– А мне хочется в это верить, – Ксандер мечтательно улыбнулся, представив, как окажется в саду с огромными деревьями, плоды которых будут в разы больше обычных.

– Тогда почему с этой плантации люди не могут вернуться домой?

– Наверное, слишком много работы...

– Или за год они умирают от радиации, – слова Юнис прозвучали так холодно, будто она забыла, что ее брата могут забрать за стену. – Если нам не говорят правду, значит, мы к ней не готовы.

– Твое право так думать, – вздохнул Ксандер, решив, что разговор окончен, но еще чувствуя в себе недосказанность. –

Возможно, так оно все и есть.

После обеда, как и было запланировано, Юнис и Ксандер, взяв с собой семилетнюю сестру Пенни, снабженные небольшими сумками с едой, отправились через лес к небольшому озеру. Здесь, в основном, произрастали сосны, поэтому среди деревьев всегда была тень, которая доставляла путникам большое удовольствие в столь жаркий день. После дождя влага уже успела испариться, и вокруг стояла невыносимая духота.

Через полчаса пути Пенни устала, и Ксандер тащил ее на своей шее. Юнис шла впереди, с наслаждением вдыхая запах хвои и откидывая палкой сосновые шишки, будто прочищая неизведанную тропу. Но эта дорога ей и брату была уже давно знакома. Они знали ее наизусть. Это было их любимое место, куда они с малолетства сбегали из дома. В этом году они решили взять с собой и младшую сестру.

Юнис так не терпелось уже поскорее дойти до заветного места, что она раз за разом прибавляла темп, пока ее не начал окликать Ксандер. И вот наконец, вдалеке показалось долгожданное озеро, вода которого играла на солнце разными цветами. Рыжая девушка радостно вскрикнула и побежала вниз по тропе прямо к берегу. Ксандер поставил на землю девчушку поменьше и стал разминать шею и плечи, наблюдая, как Пенни принялась догонять сестру. Это было воистину волшебное место. Здесь будто прекращали существовать

такие вещи как страх, тревога, усталость, которые постоянно преследовали Ксандера – здесь они отступали...

– Ксандер, пойдем купаться! – прокричала с берега Юнис, и юноша поспешил к сестрам.

– Если я начну тонуть, ты меня спасешь? – поинтересовался парень, стягивая штаны и оставаясь в одних трусах-бок-серах.

– Юнис не умеет плавать, – заметила Пенни.

– Кто тебе такое сказал? – вытаращила на нее глаза рыжая девушка.

– Мама, – ответила Пенни, прищурившись от солнца и взглянув на сестру. – Она сказала, ты один раз утонула, и какому-то мальчику пришлось тебя спасти.

Юнис усмехнулась, вспомнив этот случай. С тех пор прошло лет десять, теперь она плавала словно рыба.

– Просто ей понравился тот мальчик, – улыбнулся Ксандер, потрепав волосы Пенни. – Сечешь? – подмигнул он ей, и девочка хитро заулыбалась.

– Ха-ха-ха! – язвительно проговорила Юнис. – Кто последний до того бревна, тот вонючая слюна дохлого бабуина!

Не успев договорить, девушка бросилась в воду, стремительно поплыв до старого бревна, покачивающегося посреди озера.

– Фальстарт! – завопил Ксандер и поспешил в воду, чтобы нагнать сестру.

Пенни осталась на берегу, с интересом наблюдая за игра-

ми двух взрослых детей...

– Ты неправильно делаешь! – Пенни начинала злиться, потому что битый час не могла научить старшую сестру разводить костер. – Нужно тереть быстрее.

В руках семилетней девочки, тростинка быстро разгоралась, а у Юнис все никак не получалось заставить ее даже дымиться.

– Ну и кто кого взял в поход? – усмехнулся Ксандер, раскладывая на одеяле запасенные бутерброды. В ответ Юнис прожгла брата насквозь своим разъяренным взглядом. Она убрала мокрые волосы в хвост и стала рыться в своей сумке, оставив затею с костром. И откуда Пенни научилась этому?

Достав лекарства, Юнис протянула их брату. Из-за цветов вокруг озера, он стал частенько чихать. Ксандер с благодарностью посмотрел на сестру, которая уже мечтательно оглядывала озеро. Сверкающий блеск воды отражался в золоте глаз юной девушки.

– Останемся здесь до утра? – с мольбой в голосе произнесла Юнис.

– А мама?

– Я ее предупредила на всякий случай.

– Я так и знал, – улыбнулся юноша и вдохнул лекарство.

Юнис улыбнулась ему в ответ, так как поняла, что брат не против остаться здесь на всю ночь. Она заранее притащила сюда старую палатку, спрятав ее в кусты. Теперь ничего не

помешает ей в полной мере погрузиться в творчество и поймать неподатливую музу. Девушка достала из своего рюкзака небольшой альбом и карандаш.

– Я скоро вернусь, – сообщила Ксандеру сестра и отправилась гулять вдоль берега. Юноша ясно знал, что Юнис пошла ловить мгновения этого леса, чтобы запечатлеть их на бумаге. В такие минуты ей нужно быть одной: хоть рисовать у Юнис получалось отлично, вдохновение ей всегда было сложно удержать, если кто-то находился рядом. Прижимая одной рукой к груди альбом, а другой трогая на ходу высокие травы, она постепенно исчезла среди деревьев.

Когда солнце стало садиться, двое путников, не дожидаясь пропавшей художницы, разожгли костер и устроились вокруг него на больших одеялах. Пенни с опаской оглядывалась на пугающие тени в глубине леса. Там, куда не проникал свет от костра, сложно было что-то разглядеть. Деревья напоминали человеческие силуэты, а поскрипывания качающихся стволов были похожи на чьи-то стоны. Даже бусинки диких ягод, подсвеченные пляшущим пламенем, превращались в голодные глаза лесных чудовищ. Казалось, ступив за круг, охраняемый светом костра, можно было сразу попасть в хищные когти, которые тут же утащат тебя в темноту. Содрогаясь от подобных мыслей, девочка подобралась к брату и обхватила его руку своими.

– Может, Юнис съели чудовища? Или она заблудилась?

– Не бойся, она скоро вернется, – успокоил ее Ксандер,

хотя и сам начинал переживать за сестру. Он мог бы пойти и поискать ее, но Пенни боялась ходить по лесу ночью, и никак было нельзя оставлять ее здесь одну. Юнис как всегда замечталась и забыла о времени, что невероятно злило парня. Когда она вернется, то точно огребет хороший подзатыльник.

– Когда я вырасту, меня тоже увезут на этой машине? – вдруг спросила Пенни, впившись в глаза брата пронзительным взглядом. Ее маленькие ручонки крепко держали локоть парня, словно ее хотели забрать прямо сейчас. Юноша провел ладонью по ее светлым волосам и прижал к себе. Этот вопрос заставил его сердце сжаться. Страх перед стеной давно стал врожденной чертой каждого, но дети... они не должны бояться, не должны думать об этом. Ксандер представил, как Пенни увозят на этой машине... Его передернуло.

– Нет, туда девочек не берут.

– Мама сказала, что сегодня увезли Люси.

Внутри Ксандера что-то больно щелкнуло. Он решил, что ослышался.

– Кого... увезли? – с трудом выговорил юноша, стараясь не выдавать эмоции.

– Люси, – повторила девочка.

Та, о ком говорила Пенни, была одноклассницей Ксандера, единственной и лучшей подругой. У нее не было ни отца, ни братьев, ни сестер, и видимо, власти не постыдились забрать у ее матери последнего родного человека. Юноша чувствовал, что ему не хватает воздуха. Он никак не мог при-

нять услышанное. Еще на днях он видел, как Люси проходила мимо его дома. Почему она ничего ему не сказала? Как страшно вдруг узнать, что ты никогда больше не встретишься со своим другом. Как страшно расстаться, не попрощавшись...

Ксандер еще крепче прижал к себе сестру. Какими бы сильными ни были его сомнения насчет мира за стеной, как бы яро он ни верил в то, что на той стороне существует надежда на лучшую жизнь, ни одну из его сестер не увезут на этой машине. Ни одну, пока Ксандер собственными глазами не увидит неизведанный им мир. Ни за что, пока он жив. Когда придет черед их семье отдавать долг государству, без всяких сомнений на службу заберут именно Ксандера. Но все же непреодолимый страх подступал к сердцу юноши, когда он вспоминал о своей глупой болезни и о том, что совсем скоро Юнис исполнится восемнадцать...

– Я не хочу, чтобы тебя забрали, – будто прочитав мысли брата, захныкала Пенни, готовясь расплакаться. Может, она до конца и не понимала всей несправедливости сегодняшнего мира, но верно чувствовала это своим маленьким детским сердцем.

– Эй, малявка, – парень улыбнулся и смахнул с щеки девочки скользящую вниз слезу. – Я буду с тобой в любом случае. Ты мне веришь?

Мокрые ресницы девочки дрогнули, и еще одна слезинка упала на руку парня. Пенни опустила голову, прислонив-

шись лбом к плечу брата, и заревела.

– Оттуда никто не возвращается, – еле внятно пролепетала она.

– Пенни, ты что, не веришь мне? – будто обидевшись, переспросил Ксандер, и девочка подняла на него свои мокрые от слез глаза. – Я все равно буду с тобой. Ясно?

– Ясно, – всхлипнув, ответила она, кивнув головой.

– Ну, вот и все, – улыбнулся ей парень. – Не стоит зря забивать этим голову.

Он натянул на ладонь рукав и принялся быстрыми движениями вытирать маленькое плачущее лицо. Не вытерпев, Пенни стала смеяться, пытаясь высвободиться из рук брата, который продолжал ее натирать.

– Я пить хочу, – сквозь смех выдавила девочка. Ксандер улыбнулся и потянулся за маленьким железным чайником. Вода закончилась. Он укутал сестренку в одеяло и спустился к озеру. На небе уже загорались звезды, а Юнис все еще не было.

Разозлившись на безрассудство сестры, парень поставил чайник рядом с собой и стал плескать воду на свое лицо, чтобы избиваться от неприятных мыслей. Где ее носит?

Внезапно воздух разрезало оглушительным выстрелом. С деревьев на том берегу взлетела стая испуганных птиц. Сердце Ксандера замерло. "Юнис", – первое, что пришло на ум парня. Застыв в надежде, что выстрел лишь ему померещился, Ксандер стоял, склонившись над водой, пока позади не

закричала Пенни.

– Ксандер! – взвизгнула она не своим голосом. – Там кто-то стреляет!

Послышался всплеск воды, словно в нее упало что-то тяжелое... Чье-то тело? Поблизости или на том берегу? Парень сорвался с места и вбежал в воду. "Нет, нет, нет, только не Юнис!" – все, что сейчас звучало в его голове. Он стал судорожно водить руками, пытаюсь что-то или кого-то нащупать. Он мог найти холодное тело сестры, и от этого его начинало трясти. Он боялся случайно коснуться трупа, но вместе с тем, не мог остановиться. Юноша чувствовал, как его глаза наполняются слезами, которые мешают видеть, но продолжал, дрожа всем телом, бултыхать воду. Ксандер ужасно боялся и одновременно дико желал найти это тело, чтобы убедиться, что это не его сестра. Под руку попадались какие-то ветки и водоросли, и парень выкрикивал громкие ругательства, от которых сам вздрагивал.

– Ксандер! – уже сорвавшимся голосом звала его Пенни, но он продолжал искать. – Мне страшно!

Эти слова заставили парня очнуться и прекратить бесполезное плескание в воде. Здесь никого нельзя было найти или увидеть.

– Пенни! – завопил Ксандер, устремившись к младшей сестре. – Пенни, иди ко мне! Быстрее!

Юноша схватил девочку на руки, откинув в сторону мешающие одеяла, пнув сумку, которая преграждала путь, и

помчался вдоль берега, выкрикивая имя Юнис, но она не отзывалась.

Пенни полностью охватила паника, она не понимала, что происходит. От страха, что окутал маленькую девочку, у нее пропал дар речи и она только испуганно хватала губами воздух, крепко сжимая плечи брата, пока тот нес ее на своей спине. Юнис нигде не было, а Ксандер вел себя слишком странно, и от волнения Пенни начинала тихо завывать, готовясь разреветься.

– Пенни, молчи! – резко отзывался брат, стараясь прислушиваться ко всем звукам вокруг. Он несся вперед, не замечая ничего на своем пути. Деревья не переставали мелькать в темноте, но среди них, как не пытался, Ксандер не мог разглядеть силуэта своей сестры.

– Я хочу домой! Я хочу к маме! – закричала диким воплем маленькая Пенни. У нее начиналась истерика – ее старший брат будто сошел с ума, она еще никогда не видела его в таком состоянии. Пенни хотела сойти на землю, остановить парня и поэтому стала брыкаться и изворачиваться в его руках, но бесполезно.

"Не уберег! Не уберег!" – Ксандер чувствовал, что надежда найти сестру в живых быстро угасала, но он не мог позволить себе потерять еще и Пенни, поэтому, несмотря на ее попытки вырваться, он крепко держал ее ноги своими руками. Не уберег! Ему сейчас хотелось закричать во все горло от той безысходности, что над ним нависла. Все не могло слу-

читься вот так! Не могло! Так не бывает! Он же клялся, что не позволит никому обидеть своих сестер!

Дрожь пробила все тело Ксандера, когда вдалеке еле слышно раздался ответный крик девушки. Это Юнис! Только бы все не оказалось игрой воображения...

У Ксандера словно открылось второе дыхание. Он еще не осознал, откуда именно слышится ее голос, но уже стремглав бежал туда. Ее пронзительный крик послышался еще отчетливее. Как же Ксандер был счастлив услышать ее голос! Жива, жива! Что бы сейчас ни угрожало его сестре, он избавит ее от опасности, он умрет сам, но спасет Юнис. Сейчас он как никогда понимал, что не сможет жить, если ее не станет.

– Ксандер! – из темноты показалась Юнис. Она буквально врезалась в своего брата и вцепилась в его одежду крепкой хваткой, уткнувшись головой в его грудь. Девушка была насквозь мокрая и холодная, как лед, а с волос стекали струйки воды. Сердце парня чуть не разорвалось, когда он увидел ее такой. Беспомощной и напуганной. Но теперь он рядом...

Ксандер выпустил из рук рыдающую взახлеб Пенни и стал судорожно трясти Юнис, не веря тому, что нашел ее, что она жива. Юнис дрожала всем телом, не в силах вымолвить хоть что-то, бормоча несвязные обрывки слов, да и парень не слушал ее. Он крепко сжал ее в своих объятиях, еле сдерживая слезы. Пенни обхватила за пояс свою сестру, не переставая завывать.

– Что случилось? Кто стрелял? Это в тебя стреляли? Ты

не ранена? – юноша сорвавшимся голосом стал задавать вопросы, хотя больше всего его сейчас радовало то, что Юнис жива, а остальное отошло на задний план.

– Там... там... она... я пыт... я пыталась...

Ее голос дрожал от слез и от холода. Сердце Ксандера словно остановилось в ожидании услышать что-то очень ужасное, но он даже не представлял, что могло заставить его сестру так испугаться.

– Юнис, глубоко вдохни и выдохни, – попытался как можно спокойнее произнести юноша, подавляя дрожь в своем голосе. Он стал успокаивающе гладить ее по голове. Немного погодя, девушка взяла себя в руки и, закрыв глаза, сделала несколько глубоких вдохов. Через несколько секунд Юнис подняла голову и взглянула на Ксандера опустошенными глазами. Так она еще никогда на него не смотрела.

– Мама Люси, – ледяным голосом произнесла она и отвела взгляд в сторону. – Она... Зачем? Я не понимаю, зачем она это сделала?! – вскрикнула не своим голосом девушка.

– Что она сделала, Юнис?! – теряя терпение, закричал Ксандер, а в его голове уже всплыл ответ на этот вопрос.

– Я возвращалась к нашему лагерю и увидела, что миссис Браун стоит на краю обрыва у озера, – губы девушки с трудом двигались. Даже в темноте юноша отчетливо видел, что они посинели от холода. – Я позвала ее и стала приближаться, а она... даже не обернувшись, подняла пистолет... Откуда она его взяла?

Юнис искривила лицо в ужасной гримасе и вдруг разре- велась в голос, а Ксандер прижал ее к себе вместе с Пен- ни, дрожащей от страха. Посреди темного пугающего леса он держал их в своих руках, заслоня собой, словно маленьких беззащитных птенцов. Эта ночь стала слишком темной.

Юнис медленно подняла глаза.

– Зачем она это сделала? – глядя сквозь Ксандера, отре- шенно произнесла девушка. – Что мы скажем Люси?

Ксандер отвел взгляд, проглотив комок в горле. Но Юнис не унималась.

– Люси это убьет, Ксандер, – продолжала она. – У нее же никого нет...

– Ее тоже... больше нет, – ответил юноша и еще крепче прижал к себе обеих сестер. Из его глаз вырвались долго- жданные слезы.

Он никак не мог поверить, что в один день в их малень- ком городе опустел целый дом, исчезла целая семья. И пусть миссис Браун сама сделала этот выбор, Ксандер понимал, что она просто боялась остаться наедине со своим горем. Вряд ли кто-то смог бы ее спасти. Эту женщину убила лю- бовь...

Глава 1. Долг каждого

Стеллаклив. Два года спустя.

Теплые утренние лучи солнца грели россыпь рыжих вес- нушек на щеках девушки, летящей навстречу ветру. На ли-

це светилась улыбка. Не чувствуя усталости, Юнис крутила педали старого полуразвалившегося велосипеда, который скрипел от каждого ее движения.

Проснувшись раньше всех, пока еще на небе погасали последние звезды, девушка поехала в центр городка на разведку. Ее целью был маленький пыльный кинотеатр, принадлежащий одному доброму усатому старичку по имени Карло (так его звали и взрослые и дети). В середине месяца к нему всегда приезжала машина с необычными товарами. Часто привозили всякий ненужный хлам: половую краску, ткань для занавесок, рамки для фотографий (кому они были нужны, если фотокамеры никому здесь были не по карману?), какие-то коврики и много всякой всячины ручной работы, которые никак не трогали душу Юнис.

Но сегодня, как и ожидалось, в этой машине появилось нечто ценное, приводящее девушку в восторг. Фильмы! Сегодня привезли целую коробку с кинолентами. Вечером Карло будет показывать фильм «Форрест Гамп». Юнис не представляла, о чем этот фильм, но всей душой мечтала вырваться из одинаковых серых будней и окунуться в другую реальность. Может, это фильм про зомби, как например, «Война миров Z» или «Рассвет мертвецов»? Юнис они нравились, но, когда показывали всяких чудовищ и уродов, ее всю передергивало от ужаса, ведь именно таких тварей она представляла по ту сторону стены. И если когда-нибудь они пробегутся сюда... В голове девушки возникала эпическая битва,

в которой она обязательно бы принимала участие, защищая свой мир и свою семью. Это было бы потрясающее зрелище. Но при мысли об этом, Юнис пробирается жуткая дрожь... Нет, ей бы никогда не хотелось увидеть, как стена падет.

Эта стена оберегает людей от внешнего мира уже несколько поколений. Страшно представить, что будет, если когда-нибудь это великое сооружение рухнет. Конечно, их нынешний мир не идеален. По сравнению с жизнью предков чуть больше века назад, наполненной научными открытиями, строительством новых городов, музыкой и вкусной едой, сегодня реальность потеряла былые краски. Все просто пытались спокойно прожить отведенный им срок, не стремясь к славе, богатствам или путешествиям, – нет, сегодняшний человек стоял на месте.

Но все-таки этот искусственно созданный мир позволял им жить. Невидимый купол, возвышающийся от края и до края стены поддерживал вечное лето. Это позволяло каждый год собирать отличный урожай, хотя в последнее время многие поселения почему-то голодали, если верить слухам. Небольшие города и деревни с населением не больше тысячи человек, раскинувшиеся по территории Конфиниума, дышали отдельно друг от друга, и связывала их только радиостанция, извещающая о прогнозах погоды, количестве урожая и каких-то событиях Столицы.

Иногда канцлер, Винсонт Марчелл, обращался к народу с какой-то ободряющей речью, мол ведутся научные исследо-

вания, мы близки к открытию, скоро мы найдем способ добывать ресурсы за стеной. Однако шли годы, а призывники, раз за разом уходящие на службу во имя общего блага, просто безвозвратно исчезали. И никто не знал, куда...

Узнав у Карло время сегодняшнего сеанса, девушка поспешила обратно домой. Ксандер просто обязан сходить с ней в кино, даже если ему придется достать все свои сбережения. Этот показ нельзя пропустить ни в коем случае. Девушка знала, он немного поворчит, но потом все равно уступит, потому что знает, как его сестра обожает старые фильмы.

Оказавшись у калитки, Юнис спрыгнула с велосипеда, повалив его на траву, и побежала было к дому, но остановилась, застыв как вкопанная. Из почтового ящика, прибитого к забору, на нее смотрел белеющий кончик письма.

Некоторое время девушка долго смотрела на него. В ответ этот белоснежный, выглядывающий из темноты треугольничек, словно насмехаясь, глядел прямо на нее. Злобно и устрашающе.

Ветер стих. Не слышно было ни звука, будто вся природа в ожидании затаила дыхание. Все вокруг желало одного – чтобы Юнис взяла это письмо.

По спине девушки пробежал холодок. Взгляд неотрывно гипнотизировал белый кончик бумаги.

Не дыша девушка сделала шаг. Ноги стали тяжелыми. Но с трудом – еще шаг. Вот он – прямо у ее носа. Рука медленно,

дрожа, поднялась вверх, к железному ящичку, из которого выглядывало это проклятое письмо.

Теперь оно в ее руке. Дыхание участилось. Сердцебиение зашкаливало. Юнис глубоко вдохнула и резким движением открыла конверт...

Столица.

По главному корпусу резиденции канцлера, главы государства, шагал молодой юноша двадцати двух лет. В его глазах горел огонь ярости, а пальцы рук сжимались в кулак. Его бросало в жар от одной мысли о своем отце, который так бесчеловечно с ним поступил. Он твердил, что готовит сына к должности канцлера, обещал, что Фёлипп займет его место, когда придет время. А теперь что? В один миг он перечеркнул всю его жизнь, поставив на сыне жирный крест!

На двери висела табличка: "Верховный правитель Конфинума, канцлер Винсонт Марчелл". Юноша с отвращением прочитал эти строки и вошел в дверь.

– Как ты мог?! Ты говорил, что мое место здесь!

Парень безо всяких церемоний приблизился к креслу, в котором заседал его отец. Это был мужчина сорока пяти лет с коротко стриженными темными с сединой волосами, немного сгорбленным носом, на котором красовались очки в позолоченной оправе, и тонкими губами, которые обвивала небольшая щетина. На ногах красовались начищенные до блеска черные туфли, а на белой рубашке сверкали золотые

запонки. Он медленно поднял на сына свои голубые глаза, полные льда.

– Ты чем-то недоволен, Філипп? – ровно проговорил он, будто не замечая, как разгорячен юноша перед ним.

Это еще больше взбесило парня. Он яростно ударил кулаком по столу перед носом отца, заставив его отпрянуть и взглянуть на сына уже серьезным и внимательным взглядом.

– Не делай вид, словно ничего не случилось! Мое имя в списке призывников! Как такое возможно?!

– Правила равны для всех...

– Мне не нужны опять твои оправдания, – как можно спокойнее произнес Філипп, пристально глядя в глаза отца. – Хочешь показать народу, что ты один из них? Что ты тоже жертвуешь своими близкими?

– Не смей так говорить! – затрясся Винсонт, но он уже не имел власти над своим сыном.

– Почему ты отправляешь меня за стену, объясни?! – срывающимся голосом прокричал Філипп. Им овладела такая ярость, которую он сам уже не мог контролировать. Но за всем этим Винсонт видел в своем сыне обычный человеческий страх... Видел и ничего не мог с этим поделать.

– Я не могу отменить закон, Філипп. Имена призывников подбираются специальной программой, в которую внесены все граждане нашей страны, включая тебя...

– Да поговори ты со мной уже, как с сыном, папа! – взмолился юноша, глядя на отца глазами, полными отчаяния. –

Ты же отправляешь меня на казнь...

– Филипп, – трясущимися губами промолвил Винсонт. – Я же... я... Это не казнь, это долг перед государством.

– Да, конечно, – с иронией в голосе согласился юноша, проведя рукой по своим темным волосам, стирая с лица все эмоции, которые готовы были вылиться наружу. – Но тогда слушай меня внимательно.

Филипп подошел ближе к столу, пригнувшись, чтобы отцу было лучше слышно, чтобы он мог прочувствовать все презрение, которым сейчас дышал его сын.

– Я сделаю все, чтобы вернуться сюда, – проговорил он угрожающим металлическим голосом. – И стану канцлером, хочешь ты этого или нет.

Мужчина не принял эти слова, как вызов в свой адрес. На него смотрели глаза сына, полные ненависти и презрения, готовые убить его одним только взглядом. Но все же Винсонт видел только, что перед ним находился маленький беззащитный щенок, родной, вскормленный своей рукой. Он лаял и скулил, потому что боялся и потому что решил, что хозяин его предал. Однако этот щенок просто обязан стать взрослым волком и принять свою участь.

– Сын, – чуть слышно произнес Винсонт, сжимая пальцы в кулак. – Никогда не возвращайся домой.

Юноша отшатнулся, не веря своим ушам. В его взгляде застыли немая обида и разочарование. Никогда не возвращаться? Медленно, словно острые иглы, в его сознание ста-

ла проникать суть происходящего – отец боится его. Ученик превзошел своего учителя, и теперь первый страшится, что второй займет его место... Неужели отец решился так просто взять и избавиться от своего наследника только потому, что все вокруг только и говорили о том, каким прекрасным правителем станет Филипп, заняв место канцлера? Неужели из-за этого отец решил им пожертвовать? Разве так родители поступают со своими детьми, когда те достигают в жизни больших успехов?

Глаза юноши опустели. Філипп нервно улыбнулся и направился к двери, не желая смотреть на это подобие отца. Винсонт звучно ударил ладонью по столу и поднялся с кресла.

– Філипп, стой!

Молодой парень застыл у двери и медленно обернулся, из последних сил надеясь, что отец передумает. Но Винсонт лишь бессильно опустил голову, упершись обеими руками на стол. На его устах застыли какие-то важные слова, которые он никак не мог произнести:

– Сын, я...

Філипп потерял всякую надежду. Он сокрушенно выдохнул:

– Ты самый отвратительный человек из всех.

Винсонт снял с носа очки и потер глаза, собираясь что-то ответить сыну, но тот нетерпеливо открыл дверь и вылетел из кабинета, оставив канцлера наедине с его совестью.

Филипп не мог больше смотреть на этого лицемерного человека. Раз и навсегда он оставил своего отца за этой дверью, став круглым сиротой. Обида и разочарование заполонили все его сердце, притупив страх перед неизвестностью...

Стеллаклив.

Все кончено...

В ее ушах бешено стучало сердце, в ногах не было больше сил, но она бежала.

Все кончено...

Жизнь словно оборвалась. В руке все еще находилось скомканное письмо.

Она все еще бежала, не зная куда, не зная зачем. Ей было все равно. Бегство ее не спасет. Все пропало. Солнце назойливо пробиралось сквозь ветки деревьев, оно словно обжигало ее глаза, но и это не останавливало. Господи, она уже слышала скрип своих легких! – они будто сжимались от нехватки воздуха, но бег продолжался. Она знала, убежать от этого врага невозможно. И никто, никто не сможет помочь. Деревья будто кричали: "Остановись! Куда ты? Тебе не скрыться!"

Обегая стволы, словно толпу любопытных зевак, она бежала вперед. Они не знали, они не понимали, от чего она бежит.

Ей было не ясно, кричит ли она от боли, либо несется, стиснув зубы. Она не ощущала себя в пространстве. Все, че-

го ей сейчас хотелось, это исчезнуть...

Сколько прошло времени неизвестно – то ли минута, то ли весь день. Она бежала, пока на пути не появилось громадное дерево. И тогда Юнис с силой врзалась в него, обхватив ствол руками, словно это был ее брат. Закрыв глаза, она попыталась представить, что это всего лишь сон, но увы, бесполезно. Это была самая настоящая реальность.

С силой сжав губы, которые не переставали дрожать, Юнис пыталась сдерживать слезы, но их горячий поток уже струями стекал по ее щекам. Они с силой вырывались наружу, но боль от этого не утихала, а становилась еще сильнее. Наконец, когда сил сдерживаться уже не осталось, из груди девушки вырвался пронзительный крик, полный отчаянья. Она кричала и била кулаками по дереву. По пальцам стекала кровь, но Юнис было наплевать на боль. Она ничего не чувствовала, кроме желания уничтожить все вокруг. Весь мир стал ей ненавистен. Винсонт Марчелл, кем она так восхищалась и так уважала, в одночасье навсегда стал ее первым и главным врагом...

Прошла ни одна минута перед тем, как девушка обессиленла и перестала колотить дуб, истерзанный ее яростью.

– Почему он? – тихим голосом пролепетала она.

Здравый смысл говорил ей, что теперь Ксандер станет героем, им будет гордиться весь город, весь мир, но почему от этой мысли не становилось легче? Всю жизнь Юнис готовила себя к этому, заранее превозносила брата в своих гла-

зах, представляя его в военной форме с оружием в руках, идущим за стену... Но теперь все казалось иначе. Будто это письмо заставило Юнис очнуться от собственных фантазий. Секретные лаборатории, исследования, ожидания открытия, которыми кормили ее власти долгие годы – все это неважно. Там, за стеной – смерть, настоящий ад, и там не место Ксандеру.

Юнис обхватила себя руками и села под дерево, на котором только что вымещала злость. Ее мысли словно заволокло туманом, и девушка замерла без движения на какое-то время, пока неподалеку не послышался знакомый лай.

Из-за деревьев показался Гендальф. Пес подбежал к хозяйке и стал радостно тыкать носом в ее руки. Обняв его за голову, Юнис снова расплакалась.

Они сидели вдвоем под деревом час или два, а, может быть, больше. Пес уложил свою голову на колени девушки, и она поглаживала своей рукой его мягкую шерсть. Монотонное дыхание Гендальфа помогало забытья, делало тело и мысли Юнис легче перышка, но как только перед глазами снова возникло то злосчастное письмо, Юнис вскочила и из последних сил ударила кулаком по дереву. Пес испуганно отбежал и залаял.

После полудня они все-таки возвратились домой. Измученный духотой и зноем старый Гендальф улегся на свое излюбленное крыльцо и продолжал устало вилять хвостом.

Юнис опустила на колени и погладила пса, смахнув последние слезы. Стараясь спрятать разбитые кулаки за спиной, она вошла в дом.

Половицы скрипнули, и из кухни сразу же показалось усталое лицо мамы. Какое же оно было худое...

– Где ты пропадала? – сдвинув брови, укоризненно спросила она. – Нашла время бездельничать... Господи, когда я уже смогу присесть хоть на минуту!

Юнис ничего не ответила. В горле встал ком. Она молча положила на тумбочку в прихожей смятый, смоченный слезами конверт и направилась наверх, в свою комнату на чердаке, где они спали вместе с Пенни.

Из окна было видно, как у старого сарая копошится Ксандер, пытаясь починить культиватор, которому давно было пора отправиться на пенсию. Оголившись по пояс, юноша неустанно ковырялся в моторе, отмахиваясь от налетающих комаров. Неподалеку от него бегали три исхудавшие курицы. Все шло своим чередом, словно ничего не изменилось.

– Юнис, там мама плачет, – тихо произнесла Пенни, войдя в комнату.

Рыжеволосая девушка отрешенно посмотрела на сестру и снова отвела взгляд к окну, прислонившись лбом к холодному стеклу.

– Ксандера заберут, да? – хриплым дрожащим голосом проговорила Пенни. – Они отправят его за стену?

– За стену, – чуть слышно подтвердила Юнис, не поворачи-

чивая головы к младшей сестре. Ей было больно смотреть на ее сморщенное от боли лицо, на ее красные глаза. Юнис не умела успокаивать, это хорошо получалось у Ксандера.

За спиной послышалось громкое всхлипывание и топот детских ножек, поспешивших вниз по лестнице. Через некоторое время Юнис увидела, как Пенни бежит босиком по траве прямо к брату, держа в руке свою старую одноглазую куклу, которую ей когда-то сделал папа. Ксандер выпрямился и с удивлением на лице стал ждать, пока к нему добежит зареванная младшая сестра. Подхватив ее на руки, он, видимо, стал ее расспрашивать о том, что случилось. Юнис наблюдала, как безмолвно шевелятся его губы, как изумленно расширяются его глаза. Каково ему было узнать, что завтра его навсегда увезут из дома? Как его сердце выдержало и не остановилось в ту же секунду? Юнис была готова поклясться, что ее сердце перестало биться, как только она прочла это роковое письмо.

А он успокаивает Пенни. Не показывает своего страха. Ксандер сильнее этого.

Юнис отошла от окна и села на пол, обхватив колени руками. Куда же делась вся ее прежняя сила?

– Я никогда до последнего не верил, что этот день наступит, – горько усмехнулся Ксандер, сидя рядом с Юнис на берегу озера и бросая в воду камни.

– Тебе страшно? – спросила девушка, задумчиво глядя на

расплывающиеся круги.

Уже смеркалось. В небе загорались первые звезды. Где-то в траве пели ночные сверчки. Теплая спокойная тишина окутала этот вечер, позволяя вдыхать себя полной грудью. Все было пропитано грустью и тяжелым прощанием.

– Нет, – ответил юноша и, предугадав упрек сестры, добавил: – Не потому что я хочу тебя успокоить. Мне, правда, не страшно. Пусть это и странно, но я всегда хотел побывать за стеной...

– Я знаю, – поджав ноги к груди и опустив голову на колени, произнесла Юнис. В ее печальных глазах заблестели звезды.

– Я боюсь только за вас, – продолжал Ксандер. – Когда отца не стало, мама чуть не сошла с ума. Я знаю, что для тебя это...

– Мы справимся, – перебила его девушка. – Переживай о себе.

Юноша замолчал и через некоторое время снова заговорил:

– Помнишь, как вы с Тео пробрались в сад к городничему? – юноша улыбнулся своим воспоминаниям. – Я помню, как вас чуть не пристрелили, приняв за диких зверей. Тео смог перемахнуть через забор, а твои штаны зацепились за гвоздь...

– На мне тогда были твои штаны.

– Ты приняла всю вину на себя. Тео потом пришел в сле-

зах, прося прощения за то, что бросил тебя. Ты сделала вид, что не произошло ничего страшного. Не сказала ему, что тебя выпороли так, что сидеть не могла...

– Зачем ты это вспомнил? – горько усмехнувшись, спросила Юнис, встряхнув плечами.

– Ты тогда была такой храброй, – сказал Ксандер. – Наверное, в тот момент я впервые так сильно, по-настоящему тобой гордился.

Он провел рукой по волосам сестры и заботливо убрал за ухо выбившуюся рыжую прядь. И Юнис почувствовала, как горячи его пальцы.

– Я хочу, чтобы ты тоже мной гордилась, – сглотнув, произнес парень, положив руку на плечо девушки.

Его ладонь обжигала кожу. И Юнис боялась пошевелиться, потому что хотела навечно запомнить это чувство, когда рука брата лежала на ее плече. Она хотела было сказать, что уже гордится им, но губы задрожали, и девушка отвернулась.

Зачем этот белый конверт появился в почтовом ящике этим утром? Какой-то миг, и все перевернулось верх дном. Долгие годы она жила с уверенностью, что служба – великая честь для всей семьи, то, ради чего стоит жить, то, что дает их народу силу и надежду. И как только увидела этот белый конверт, почувствовала небывалую ненависть. Юнис понимала, что она вдруг стала другим человеком. Раз и навсегда.

– Я бы хотел, чтобы папа был с вами...

– Ксандер!

– Я знаю, Юнис, ты не хочешь о нем говорить, но пожалуйста...

– Мы справимся! – отрезала девушка, поднявшись на ноги. – Идем домой.

Семейный ужин проходил в полном молчании. Ксандер наворачивал запеченный картофель, который приготовила мама, смочив его своими слезами. У остальных не было аппетита. Пенни, подперев голову рукой и время от времени шмыгая носом, размазывала еду по тарелке. Юнис безмолвно сидела, уставившись на стол. Мама опухшими глазами ласково оглядывала сына, который улыбался и аппетитно чавкал, показывая всем своим видом, что он увлечен ужином. Никто не проронил ни слова.

На следующий день в доме было идеально чисто. Мама не спала всю ночь, и как только прокричал первый петух, поднялась с постели и стала готовиться к приезду военных. Все буквально блестело, в комнатах пахло свежестью, а для детей была приготовлена парадная одежда.

Юнис вышла в гостиную, когда мама доглаживала белую рубашку Ксандера. Юноша сидел с оголенным торсом на краю дивана, наблюдая за движениями рук матери. Она изредка смахивала с лица слезы и продолжала усиленно выглаживать ткань до идеального состояния. В воздухе витал неприятный запах дыма. На часах пробило семь утра. В открытые настежь окна бил яркий солнечный свет. Белоснеж-

ные тоненькие занавески колыхал ветер, принося в дом запах свежескошенной травы. Юнис слышала, как Ксандер работал косою под ее окном около часа назад. Ему тоже не спалось, как и всем. Только Пенни еще оставалась в постели, обессилив от вчерашнего дня.

Девушка шагнула вперед, обратив на себя внимание брата и мамы. Ксандер улыбнулся, увидев сестру. На Юнис уже было надето парадное темно-синее платье строгого пошива с белым воротником. Оно было изношено, потерто, потому что его носили уже несколько поколений женщин в семье Харрисон, однако после очередной стирки и глажки выглядело весьма представительно.

Юнис строго, пристально смотрела на брата, не в силах улыбнуться ему в ответ. Она знала, он хотел сказать, что ей идет этот наряд, но не посмел.

– Готово, – сухим голосом произнесла мама и подняла рубашку с гладильного стола. – Надевай.

Ксандер послушно оделся, аккуратно застегнув все пуговицы и посмотрев на себя в зеркало, которое висело на стене. Мама убрала утюг и подошла к сыну, чтобы поправить на нем воротник.

Все выглядело так, словно это было праздничное утро, и семья готовилась к приходу гостей. В доме царил мнимая атмосфера спокойствия и благополучия. И Юнис даже почти верила в это. Она как ни в чем не бывало подошла к маме, когда та закончила с рубашкой Ксандера, и села перед ней

на стул. Мама принялась залетать волосы дочери в строгую косу.

Было очень тихо.

Но с каждой минутой ровное сердцебиение Юнис становилось все чаще и чаще. Там, за несколько километров, прямо к их дому неслась военная машина, и сердце девушки уже слышало ее отдаленное гудение, чувствовало ее злое дыхание... Юнис видела перед собой чистую белую скатерть, а в следующую секунду – грязные колеса машины, видела зеленеющий лес за окном, а потом – погоны на военной форме. Цветы в вазе – и вспышки фар. Летящего по комнате шмеля – и цепкие руки, крепко держащие руль в направлении Стеллаклива...

– Дорогая, разбуди Пенни, ей нужно успеть подготовиться, – попросила мама ровным ледяным тоном.

Этот голос пугал Юнис. Она посмотрела на маму и вдруг поняла, что ее здесь словно не было – только тело, лицо и руки, а самой ее не было... И это пугало еще больше. Почему так страшно? Ксандер уходит не на казнь, а на службу, которая прославит его имя, сделает героем всей страны. Он ходил по комнате с чашкой чая и читал последний выпуск газеты, словно забыл, что совсем скоро навсегда покинет этот дом.

Не прошло и часа, как военная машина загудела на въезде в город. Юнис услышала этот шум своим нутром. Она почувствовала, что минута расставания близка как никогда. Ее сердце судорожно колотилось. В груди болело разъедающее

неприятное чувство беспомощности – они ничего не могут сделать, чтобы Ксандера не забирали. Даже больше – они сами отдают его в руки военных безо всякого боя, одетые в парадные платья и отмытые до блеска.

Когда мотор военной машины загудел на соседней улице, вся семья уже стояла у калитки. И, как всегда бывало, соседи тоже вышли из своих домов, чтобы застать этот волнительный момент обращения мальчика в мужчину. Все они смотрели на своего героя. Юнис краем глаза оглядывала их лица и понимала, что не гордость читается в их глазах, не уважение и даже не страх, а простое облегчение – не их семью постигла жестокая участь. Сплошное лицемерие, в котором Юнис и сама участвовала столько лет...

Девушка стояла, чувствуя, как все ее тело начинает трести нервной дрожью, ладони потеют, а голова кружится. Ее сковал ужас... Казалось, этот момент будет длиться вечно, и военная машина никогда не доедет до их калитки. Но вот, этот «зверь» уже выворачивал из-за угла и смотрел на нее своими сверкающими голодными глазами.

Не выдержав, Юнис схватила брата за руку и взмолилась: – Ксандер, это все неправда! Не дай им забрать тебя, давай убежим, давай...

– Что ты такое говоришь?! – возмутилась мама. – Не позорь брата! Не видишь, все смотрят?!

Юноша повернул лицо к сестре.

– ...давай спрячемся, тебя никто не найдет, – лепетала

она, крепко сжав его пальцы. – Скажем, что ты пропал, что исчез, утонул... Пожалуйста, давай сбежим, пока не поздно... Ксандер!

Она с силой тряхнула его, схватив за плечи. Ее лицо уже исказилось в ужасной гримасе.

Брат молча смотрел на сестру, сжав губы и не произнося ни слова. Военная машина уже остановилась у их калитки.

– Пожалуйста... – выдавила из последних сил Юнис, все еще на что-то надеясь. Ей не верилось, что эта минута уже настала.

Хлопнула дверь машины, заставив девушку вздрогнуть. Мама взяла тихо плачущую Пенни за руку и крепко сжала ее, чтобы та не повторяла за старшей сестрой.

– Возьми себя в руки, – строго произнесла мама, укоризненно взглянув на дочь.

Трое людей в форме уже вышли из машины. Один остался, принявшись открывать заднюю дверь кузова, в который должны были поместить призывника. Двое шагали к калитке твердой уверенной походкой, вытянув спины и глядя вперед непоколебимым холодным взглядом.

– Ксандер, – со слезами на глазах прошептала Юнис, все еще крепко сжимая его ладонь.

– Ксандер Харрисон, – прогремел стальной голос одного из военных. – Указом №1542 главы 45 Конституции Объединенного Государства Конфиниум, уведомляю вас о том, что вы являетесь призывником города Стеллаклив и обяза-

ны явиться на службу в течение сегодняшнего дня. Мы обязаны доставить вас на военную базу Кастрис для специальной подготовки. У вас есть две минуты, чтобы попрощаться с семьей. Время пошло.

У Юнис словно отрезали язык. Она больше не могла выговорить ни слова. Две минуты.

Ксандер кивнул головой в знак того, что ему все ясно, и повернулся к маме, чтобы принять ее объятия. Но первой в брата вцепилась Пенни, обхватив его за пояс и оросив его белоснежную рубашку своими горячими детскими слезами. Юноша опустился перед ней на колени и крепко прижал к себе, погладив по светлым волосам.

– Хорошо учишься в школе, Пенни, – приговаривал он, чувствуя, как по его шее стекают обжигающие капли. – Береги своих кукол и не корми ими больше овец, хорошо?

Мама помогла юноше выбраться из цепких объятий девочки и тоже прильнула к груди сына, а затем обхватила его лицо руками и дрожащими губами поцеловала в лоб.

– Будь сильным, сынок, – хриплым, но твердым голосом произнесла она. – Отец бы тобой гордился.

Ксандер еще раз обнял маму и, горько улыбнувшись, повернулся к Юнис. Она глядела на него так, словно не узнавала, словно перед ней стоял кто-то другой.

– Не грусти, Рыжик, – произнес он и потянул руку в карман, достав оттуда медальон с изображением меча, о котором Юнис уже давно забыла. – Ты сильнее меня, я знаю это...

Ксандер протянул его сестре, но та резким движением выбила медальон из его руки, и украшение улетело в траву. Девушка с упреком посмотрела на юношу и вдруг разразилась плачем, закрыв лицо руками.

Несмотря на брыкания, юноша все-таки притянул к себе сестру и крепко стиснул ее в своих объятьях. Юнис закрыла глаза и перестала сопротивляться, крепко сжав брата в ответ и почувствовав, как его тепло разливается в ней. Она старалась запомнить его объятья, его запах... Как вдруг ее пронзил резкий холод. Она распахнула глаза и увидела, как силуэт Ксандера вместе с двумя фигурами военных удаляется от нее...

Вечером, лежа в постели, Юнис все еще видела, как образ брата спер стал дрожать, потом размылся из-за набежавших слез, а затем и вовсе исчез. Она сжимала пальцами медальон, теперь висевший на ее шее и обжигающий кожу так же, как прикосновения Ксандера тогда, у озера, словно это была печать, несводимый вечный след. Нерушимое обещание между ней и братом – оставаться сильными.

Веки Юнис стали тяжелеть. Она не спала вторые сутки, и теперь усталость брала свое. Девушка засыпала, а мыслях было только одно: "Плانتации. Пусть это будут плантации..."

Столица.

Одевшись, юноша посмотрел в зеркало, гордо примеряя

на себя звание жертвы. Интересно, какую речь будет произносить отец, комментируя новость о том, что его сын отправлен на службу за стену? Какие эмоции он сейчас обрабатывает, так же стоя у зеркала? Скорбь, отчаяние или же гордость? Філипп представлял, как счастливы будут ближайшие чиновники, узнав о том, что место канцлера страны теперь осталось без наследника. Возможно, начнется смута, а может, против отца возникнет заговор и его свергнут раньше времени? Теперь это не так уж важно. Філипп не узнает об этом, потому что к тому времени он будет, вероятнее всего, мертв. А если отца убьют прежде, чем он сам покинет пост, так даже лучше – он узнает, что такое предательство и разочарование. Пускай получает свой нож, который он воткнул в своего же сына.

В отражении на Філиппа смотрел жалкий выброшенный из дворца «золотой» мальчик, которого знает вся страна, чье лицо вечно фигурировало рядом с канцлером, ребенок, которому была предначертана великая судьба, и кого теперь выставили за дверь, словно уцененного щенка, предоставив на волю судьбы. Но сегодня Філиппу не было страшно перед миром за стеной – он был слишком зол и раздражен, чтобы бояться. Однако его волновало, как воспримут его другие призывники, с которыми ему придется доживать последние отведенные дни.

Всматриваясь в свое отражение, юноша целенаправленно накапливал ненависть к своему отцу, видя его черты в сво-

ем лице. Те же выпирающие, как ему говорили, величественные скулы, те же грозные темные брови, тонкие сжатые губы и прямой нос с небольшой горбинкой. Женщины из отцовского круга часто восхищались чрезмерно красивым лицом юноши, предписывали ему многочисленные любовные интрижки, считали его Доном Жуаном и предсказывали, будто он никогда не женится, а если и женится, то супруге придется мириться с другими поклонницами, потому что принадлежать одной с его стороны будет несправедливо, даже эгоистично. Тогда Філиппу льстило мнение этих женщин, и он был рад, что от отца ему достались лучшие черты. А теперь собственное лицо ему опротивело. Смотреть на него стало невыносимо. Кому нужны его красота и слава за стеной? Может быть, Смерти будет приятно заглянуть в его лицо перед тем, как забрать с собой?

Філипп почувствовал, как ярость закипает в нем с каждой секундой, пока он смотрит в свое отражение. Вспыхнув, он представил, как бы он замахнулся на зеркало, желая разбить его вдребезги вместе со своим обликом внутри него, но кулак непременно завис бы в воздухе, а затем медленно опустился. Рука невольно проникла во внутренний карман пиджака, достав оттуда истертое помятое фото. Філипп улыбнулся одним уголком своих губ. Было в его лице и то, что вызывало теплые чувства. Со снимка на него смотрела женщина с такими же темными густыми волосами и серо-зелеными глазами, которые излучали счастье. Она улыбалась точно

так же, поднимая один уголок рта, словно заигрывая с человеком напротив.

– Он предал нас обоих, – разочарованно вздохнул Філипп, осторожно проведя пальцем по волосам женщины, а затем сложил снимок вчетверо и спрятал обратно в карман.

Теперь Філиппа жгло желание поскорее покинуть дом. Все стало здесь чужим и отталкивающим, а то, что имело хоть какую-то ценность, он уже забрал с собой. Если бы можно было, он сейчас же залил бы тут все горючим и чиркнул спичкой, чтобы все здесь сгорело к чертям.

В дверь постучали.

Не дождавшись ответа, в комнату зашел высокий темнокожий парень с бритой начисто головой. Это был лучший друг Філиппа, Тавен.

С детства они были не разлей вода. Хоть жизни друзей кардинально отличались, судьба вела их рядом одной дорогой. Еще мальчишками они познакомились в военном лагере, в который Винсонт отправил своего сына, дабы он умел постоять за себя. Філипп, будучи избалованным богатым наследником, в первый же день столкнулся с множеством испытаний, свалившимися на его плечи. Не привыкший к плохим условиям и тяжелым физическим нагрузкам, он был близок к полному краху и позору перед другими ребятами. Тогда Тавен и пришел ему на помощь, поддержав в трудный момент, когда Філипп был готов сдаться, лежа в грязи под дождем и смотря в след убегающим вперед сослуживцам.

Это был обычный забег с препятствиями, который оказался не под силу юному наследнику. Тавен задержался и протянул ему руку, и вместе они пересекли финиш последними. Однако сдаваться мальчики не собирались. Заручившись поддержкой друг друга, они словно почувствовали опору под ногами и совместными усилиями стали одними из лучших выпускников военного лагеря. Они часто тренировались после отбоя, сбегая из казармы, часто ссорились, подначивая друг друга, даже дрались. Но это только укрепило их дружбу. Фёлипп знал, что благодаря Тавену ему удалось стать настоящим мужчиной, а не обычным избалованным мальчиком.

В свои двадцать пять лет Тавен далеко продвинулся в военной службе и добился звания личного телохранителя сына канцлера. Это позволяло друзьям проводить больше времени вместе. Долгие годы их союз казался нерушимым, но настал тот роковой день, грозивший разлучить приятелей раз и навсегда.

Тавен закрыл за собой дверь и окинул друга серьезным тяжелым взглядом.

– Как я выгляжу? – улынулся Фёлипп. – Похож на призванного?

– Похож на полного неудачника, – без капли смеха произнес Тавен и приблизился к парню, с лица которого тут же исчезла улыбка. – Знаешь, я должен сказать, тут что-то не так. Твой отец не просто так отправляет тебя за стену...

Фёлипп горько усмехнулся.

– Думаешь, я этого не понимаю? Конечно, он просто нашел способ от меня избавиться. Правда, я не знаю, почему, но...

– Нет, Фίлипп, – перебил его Тавен. – Дело не в этом. Что-то не так со всей системой. Призвано в два раза больше людей, понимаешь? В этом году прибудет двести призывников...

– Что? – на секунду Фίлипп ошеломленно смотрел в лицо своего друга, а затем его осенило. – Просто новое пушечное мясо. Нужно больше жертв, разве не ясно?

– Фил, одумайся! – теряя терпение, Тавен повысил голос и вплотную подошел к Фίлиппу, схватив его за плечо. – Тебе нужно найти способ остаться и выяснить, что происходит. Ты нужен нам здесь. Твой отец не стал бы рисковать просто так...

– Ты точно говоришь о Винсонте Марчелле? – усмехнулся Фίлипп. – Этот человек отправил за стену своего сына. Ты еще сомневаешься в его безрассудстве?

– Ты должен остаться, – сокрушенно произнес Тавен, с силой сжав плечо друга. – Где твой рассудок? Возможно, твоему народу угрожает опасность. И она исходит от твоего же отца! Фил, кто защитит Конфиниум?!

– Посмотри на меня, – горько усмехнулся Филлипп. – Я и себя-то защитить не могу...

– Тебе плевать на всех, да? Обида слишком сильна? Чувствуешь себя оскорбленным и униженным, изнеженный

принц?

– Тавен! – гаркнул Филипп, задрожав от злости. – Мои чувства не влияют на мою жизнь с самого рождения. Важен только долг, ясно? И я должен отправиться за стену...

– Это слова твоего отца.

– А мой отец канцлер, черт побери!

– Так, значит? Просто подохнешь там и останешься не при чем?

– Я не собираюсь умирать, – спокойно ответил парень, стараясь не воспринимать ядовитые слова друга всерьез. – Ты не веришь в мои способности?

Выдержав паузу и продолжительно взглянув в глаза Філиппа, словно пытаюсь понять, насколько серьезен этот парень, Тавен с сердцем оттолкнул его в сторону и опустил голову.

– Ну, и черт с тобой! – проворчал он и шагнул к двери.

– Тавен! – окликнул его Філипп. – Я тоже буду скучать.

Темнокожий юноша остановился и тяжело вздохнул.

– За дверью вас ждет военный отряд. Поторапливайтесь, господин Марчелл.

Холодные стены обжигали дрожащее тело Юнис. Не помня себя от страха, она не дыша лежала на ледяном полу темной камеры в грузовике, который увозил ее все дальше и дальше от дома. В голове все еще звучал истошный крик мамы... То, что произошло, не имеет смысла. Юнис отча-

янно отбивалась от страшных воспоминаний, которые казались лишь ночным кошмаром. Она пыталась проснуться. Еще немного, и она вскочит в своей постели в холодном поту. Еще чуть-чуть и...

Глава 2. Кастрис

Филипп и Тавен в полном молчании шагали в подземную станцию, единственную в Конфиниуме. О ней не было известно большинству населения, и о поездах люди знали только из старых фильмов. Старый отреставрированный локомотив ждал своей отправки, к нему прицепляли дополнительные вагоны в связи с увеличением количества призывников. Двести человек в ближайшее время отправятся подальше от столицы, в военный лагерь под названием Кастрис.

Филипп знал о грядущем куда больше, чем все остальные. Отец всерьез готовил его к своей должности и потому многое рассказывал об устройстве военного города и о самой службе, на которую привозят новобранцев со всего государства. Конечно, об отправке за стену было известно абсолютно всем, вот только самое интересное, власти, естественно, скрывали. Призывников ожидало страшное испытание, от мысли о котором и самого Филиппа бросало в дрожь. Успокаивало лишь чувство ненависти к отцу, на котором юноша решил сконцентрировать все свое внимание. Пусть в Кастрисе его ждет нечто ужасное, страшнее и больнее предательства единственного родного человека Филипп ничего при-

думать не мог.

Они с Тавеном уже стали спускаться вниз по длинной лестнице. До поезда оставались считанные шаги. Внизу слышались стоны и крики, а значит, остальные призывники уже прибыли.

Друзья взволнованно переглянулись. Темнокожий парень замедлил ход.

– Еще раз подумай...

– Тавен! – перебил его Филипп. – Я уже принял свою судьбу. Поддержи меня и в этот раз.

Его друг кивнул головой в знак смирения, опустив взгляд. В этом мире, полном лгунов и предателей, Тавен отныне остается совершенно один. Если бы Филипп и хотел остаться, то только ради него, лучшего и единственного друга, но ему не оставили выбора. Сложно представить, что ждет их двоих дальше, встретятся ли они когда-нибудь снова – их пути разошлись так же внезапно, как однажды встретились. Возможно, это еще не прощание? По крайней мере, всем сердцем желая вернуться и отомстить отцу, Филипп также надеялся когда-нибудь снова увидеть Тавена.

Перед юношами возникли железные ворота, за которыми находился выход к поезду.

– Дальше мне идти нельзя, – с досадой добавил Тавен и постучал так, что грохот от железных дверей разошелся эхом по коридорам подземелья. С той стороны слышались чьи-то тяжелые шаги. Филипп снова тревожно взглянул на дру-

га. В этот момент страх пронзил его так живо и осязаемо, что стало не по себе. Это чувство показалось противным и постыдным и тут же исчезло, вытесненное прежней обидой.

– Передай отцу, что я его ненавижу, – попросил Филипп перед тем, как открылись ворота и оттуда показались люди в форме. Тавен сделал вид, будто не услышал эти слова и обратился к одному из военных.

– Прибыл призывник Филипп Марчелл! – он повернулся и положил руку на плечо друга. – Постарайся не сдохнуть, Фил.

Его слова заставили Филиппа улыбнуться. Он обнял старого приятеля, похлопав по спине. Слова застряли в горле, и ему не удалось хоть что-то сказать на прощание. Тавен выпрямил спину и отдал честь, как полагается военным.

– Пройдемте! – вскрикнул голос за спиной Филиппа. – Всего доброго! – обратился он к Тавену и отдал приказ закрыть ворота. Послышался металлический скрежет и стон старых заржавевших петель.

Филипп обернулся и увидел, как в проеме стальных дверей пропадает лицо его друга. Он попытался, как можно лучше запомнить его, чтобы было кого вспомнить перед смертью. Ворота закрылись, и Филипп взглянул на поезд. Он состоял из шести двухэтажных вагонов, не считая локомотива. Все двери были открыты, и военные пропускали внутрь призывников, предварительно делая записи в своих планшетах.

Филиппу раньше никогда не доводилось видеть эту ма-

шину живую. Теперь он не мог определиться, рад он этой встрече или нет.

Юношу подвели к первому вагону. К этому времени почти все призывники были внутри, и на платформе почти никого не осталось, кроме военных. Перед Филиппом внутри забирались еще двое парней. Один из них был очень высокий и худой, с длинным носом, как у орла, на котором болтались круглые очки, и у него были забавные торчащие волосы. Ему нельзя было дать и двадцати лет. Возможно, он совсем недавно стал совершеннолетним.

Другой парень, напротив, был крепок телом. У него была смуглая кожа, накаченные мышцы, а на плече красовалась татуировка в виде черного ворона. Еще интересней была его прическа – выбритые виски и куцый хвост из иссиня-черных волос на затылке. Обернувшись лицом к Филиппу, видимо почувствовав его взгляд на себе, этот парень блеснул в его сторону своими черными глазами и изобразил злобный оскал. Военный пригласил его внутрь, и теперь Филипп остался последним.

– Большая честь познакомиться с вами! – произнес мужчина в форме с планшетом в руках. – Жаль, что при таких обстоятельствах. Если честно, не укладывается в голове, что канцлер позволил вам...

Филипп не выдержал и, выразительно фыркнув, шагнул внутрь вагона. Пройдя немного вперед, он остановился и взглянул в окно, окинув взглядом платформу. По ней сно-

вали военные, подготавливая машину к старту. Никому не было дела до того, что сейчас две сотни ни в чем не повинных девушек и парней навсегда покидают свой родной дом. Странно, но эта мысль появилась в голове Филиппа впервые за всю осознанную жизнь.

– Ваше место под номером тринадцать, это здесь, – спокойно и дружелюбно пояснил тот же мужчина в военной форме и указал на ближайшую дверь.

Филипп видел, как вдаль вагона уходят силуэты тех двух парней, которые стояли перед ним. Они все шли и шли, и от этого поезд казался бесконечным.

– Входите, – нетерпеливо, но крайне вежливо попросил мужчина, и Филиппу пришлось повиноваться.

Проводник достал из нагрудного кармана карточку и приложил ее к сенсорному датчику. Лампочка над входом загорелась зеленым светом, и дверь автоматически открылась.

Серые стены. Одно маленькое окно без занавесок. Четыре койки, три из которых уже заняты другими парнями. Между ними царило молчание. Двое лежали на верхних полках, уставившись в окно, а третий развалился внизу, запрокинув руки за голову и закрыв глаза.

– Дорога составит несколько часов. Советую выспаться, – проговорил проводник, а потом добавил громче, обращаясь ко всем присутствующим. – Выходить из купе разрешается только после отправки, двери будут разблокированы. Приятной дороги!

Мужчина вышел за дверь. Лампочка над ней загорелась красным. Видимо, чтобы выйти, придется ждать зеленого света.

Филипп прошел к своей койке и сел на нее, мельком окинув взглядом остальных парней. Внимание его привлек юноша напротив, спокойно лежавший на своей постели и насвистывающий веселую мелодию. Спустя пару секунд стало заметно, что его поведение напрягало двух других попутчиков. Свистун был примерно такого же возраста, что и сам Филипп, такого же роста, но более худощавый. У него были мягкие, даже слишком красивые для парня черты лица и светлые, почти белые, прямые волосы ниже плеч. Его брови извивались от старания, когда тонкие губы округлялись, издавая мелодичный свист. Через пару минут один из парней не выдержал.

– Может, хватит?! – прорычал он, высунув голову с верхней полки. – Нас везут непонятно куда, а ты веселишься?

– Успокойся, мой друг, – парень сел в кровати, поджав под себя ноги. Его голос был очень мягким и приятным. – Прими свою судьбу как должное, и тогда...

– Лучше заткнись! – предупредил другой парень сверху, пытающийся заснуть.

– Зря вы так. Я понимаю ваше негодование...

– Я ему вмажу! – вскипел первый юноша и прыгнул вниз, замахнувшись на свистуна, но его руку перехватил Филипп, отдернув назад. Тот, кого хотели побить, как ни странно,

оставался спокойнее всех.

– Мы должны беречь силы, – невозмутимо произнес Филипп, заставив парня обернуться к себе. Тот сначала зарычал, а потом выдернул руку и молча взобрался обратно на свою койку. Видимо, он узнал сына канцлера и решил не нарываться и отступить.

– Тогда сам заставь его замолчать, Марчелл, – недовольно произнес парень, отворачиваясь к стенке.

Филипп остался доволен тем, что сумел предотвратить драку, пусть даже в этом ему и помогла фамилия. Он обратил взгляд к виновнику этого инцидента. Тот с улыбкой на лице рассматривал спасителя. Его ясные голубые глаза выражали благодарность. Филипп усмехнулся над его довольным видом.

– Здесь не все разделяют твои взгляды. Нельзя быть простаком, – предостерег он свистуна, и подумал, что это прозвище теперь может за ним привязаться.

– Меня зовут Септимий, я из Ноннуса, – сказал парень и протянул руку Филиппу.

– Меня зовут...

– Я знаю, – улыбнулся Септимий. Филипп сжал его руку.

Теперь стало ясно, почему этот юноша такой странный: Ноннус – это городок, где собираются странники и отшельники, или просто чудаковатые люди, какими их считают в народе. Кем бы из них ни был Септимий, он точно будет выделяться среди других. Он казался весьма дружелюбным и

чрезмерно спокойным. Однако это вряд ли поможет ему выжить.

– Знаешь, Септимий, ложись лучше спать, – посоветовал юноше Филипп и тоже улегся на свою постель. – Незачем нервировать остальных.

– У тебя впереди долгий путь, – ни с того ни с сего выдал длинноволосый парень.

– Хорошо, если так, – усмехнулся Филипп и закрыл глаза. – И тебе того желаю.

Сознание заполнил стук колес и скрип рельсов. Септимий вскоре засопел. А сверху парень все еще ворочался и никак не мог уснуть. Многим было некомфортно находиться в этой машине, а она продолжала увозить призывников все дальше и дальше от дома...

Резкий металлический скрежет заставил Юнис открыть глаза. Она вскочила, сильно ударившись головой о низкий потолок. Где это она? Сонными глазами девушка озиралась по сторонам, пытаясь прийти в себя. Это точно не ее комната.

Перед Юнис на узкой койке лежала какая-то незнакомая девушка, почему-то постоянно покачиваясь. И все вокруг тоже покачивалось и тряслось.

Часто дыша, Юнис встала с кровати и поплелась к двери, которая походила на выход – над ней горела лампа зеленым светом. Будто в каком-то старом фильме. На ощупь девушка

пыталась найти ручку, но дверь открылась сама, как только ее палец почувствовал какую-то гладкую панель. Вывалившись наружу, Юнис закрыла глаза, ослепленная ярким светом. Все вокруг продолжало скрипеть и покачиваться. С трудом приподняв веки, девушка заметила, что за окнами все мелькает так быстро, что у нее закружилась голова. Внутри все словно сжалось и теперь стало подступать к горлу. Теряя равновесие и хватаясь за стены, девушка стала пробираться вперед, не зная, куда и зачем. Ей просто хотелось бежать.

Все двери были закрыты, и в коридоре не было ни души. А за окнами все мелькало и сливалось в единый сумасшедший поток, который казался каким-то неестественным, и оттого девушку мучило все больше. Она долго шла, медленно проползая вдоль стенки и, наконец, увидела единственную открытую дверь. Найдя это своим выходом, Юнис ввалилась внутрь, и вдруг увидела себя, похожую на призрак.

Она не узнавала собственного отражения. Перед глазами все еще стояла пелена. Это действительно похоже на сон, и нужно поскорее проснуться. Заметив раковину, девушка нащупала руками кран и включила воду. Подставив ладони под ледяную струю, Юнис плеснула ее на лицо. Острая свежесть пронзила ее кожу, заставив немного прийти в себя. Тогда девушка повторила это еще и еще раз, пока перед ее глазами не возникли обрывки недавних воспоминаний.

Свет фар в окне. Звук мотора. Стук в дверь. Люди в форме. Мешок на полу. Крик мамы. Детский визг. Лицо Ксан-

дере. Застывший взгляд. Синие полуоткрытые губы.

Нет...

От этих картинок Юнис почувствовала внезапную тошноту. Она склонилась над унитазом, который оказался рядом, и ее вывернуло наизнанку. Откашлявшись, девушка на дрожащих ногах подобралась к раковине и снова умыла лицо. В отражении она теперь четко увидела себя, напуганную, потерянную и совсем белую от страха. Когда же кончится этот кошмар?

Ноги подкосились, и Юнис сползла на пол, представив, что все это происходит на самом деле. Нет – тогда бы она все помнила, а в ее памяти возникают лишь какие-то обрывки, словно кадры из фильма. А, значит, ничего подобного не происходило в реальности. Все это кошмар, кошмар, кошмар...

– Тебе нехорошо?

Юнис подняла голову и увидела перед собой незнакомую девушку с красными опухшими глазами. Она не плакала, а смотрела грустным сочувствующим взглядом.

– Меня тоже тошнило, – понимающе произнесла она. – Это нормально, наверное. Мы же в первый раз в поезде...

– Где? – глядя на незнакомку, дрожащим голосом спросила Юнис.

– В поезде, – повторила девушка.

Юнис с трудом поднялась на ноги и прошла мимо незнакомки, вновь оказавшись в длинном качающемся коридоре.

Она видела поезда в фильмах. Но в Конфиниуме их никогда не было. Выходит, это действительно сон. Никаких поездов давно не существует... Юнис уже почти успокоилась, убедив себя в нереальности происходящего, но ее никак не отпустило чувство тревоги и... восхищения. Если это сон, то все так реалистично, так красочно! Она ощущает, как движется поезд, как она движется вместе с ним, и это так необычно и в то же время захватывающе!

На лице девушки появилась улыбка, больше похожая на истерическую судорогу. А в следующий момент над всеми дверьми зажглись зеленые лампочки, и чей-то голос прогудел в громкоговоритель:

– Просьба всех призывников собраться в коридоре вагона! Просьба всех призывников собраться в коридоре вагона! Просьба всех...

Это продолжалось еще некоторое время, пока весь проход не наполнился незнакомыми Юнис людьми. Они – тоже часть ее кошмара, и все они ненастоящие. Разве это все может быть реальностью?

Однако все эти люди выглядели убедительно, даже чересчур. Кто-то недовольно ворчал, кто-то нервно что-то шептал себе под нос, одни молчали, другие активно разговаривали друг с другом... Юнис все еще стояла в конце вагона, держась за стенку. И тут поезд стал сбавлять скорость. Перерыв между стуком колес становился все дольше, покачивания стали плавными, а все мелькание за окном постепенно

успокаивалось. А затем все и вовсе стихло, поезд встал.

– Ричард Адамс! – громко произнес кто-то. Все вдруг замолчали.

За толпой Юнис не видела, что происходит. Люди почему-то теперь стояли неподвижно, глядя куда-то вдаль вагона.

– Юрий Аресский! – произнес тот же голос.

Кто-то совсем рядом что-то неуверенно выкрикнул и вышел вперед. Юнис стала медленно пробираться за ним, осторожно рассекая толпу.

– Джудис Беккер!

Где-то послушался всхлип.

– Филипп Марчелл!

Марчелл? Сын канцлера? Теперь стало окончательно ясно, что все не по-настоящему. Будет интересно взглянуть на «некоронованного принца» хотя бы во сне. В газетных статьях этот парень выглядел весьма привлекательно. Возможно, увидев его, Юнис, наконец, проснется? Девушка стала оживленнее расталкивать толпу, чтобы пройти вперед. Но как только ей удалось выбраться, она услышала прямо перед собой оглушительный возглас:

– Ксандер Харрисон! – мужчина в форме опустил глаза в планшет и поправился. – Прошу прощения. Юнис Харрисон!

– Да, это я, – выдохнула девушка, только что оставив толпу за спиной, и вопросительно взглянула на человека напротив.

Позади него открылась дверь, и появившийся в проеме другой мужчина пригласил войти в нее. Восхищаясь продолжительности и запутанности своего сна, Юнис действовала как ей велели. Она вышла за дверь и вдруг попала в очередной невообразимый мир...

Светило яркое солнце, бросая лучи на странное и в то же время красивое место. Вокруг были вымощены стройные дорожки, по которым ровным строем вышагивали отряды военных. Со всех сторон доносились громкие мужские голоса: кто-то восклицал исключительно командным тоном. Вдалеке виднелось многоэтажное здание из белого кирпича, похожее на какую-то крепость, а к ней тянулась самая широкая дорога, по краям которой были зеленые лужайки – такие изящные, словно искусственные, и ни одного дерева вокруг. Все гладко и чисто, как на картинке. Это точно не реальность – в Конфиниуме нет таких идеальных мест.

Завороженно оглядываясь вокруг, Юнис почувствовала, как кто-то толкнул ее сзади.

– П-прости, – извинился худошавый парень в очках и исчез в толпе.

Из поезда вышли все, кто там был. Люди толпились на небольшой платформе, где стояла огромная остывающая машина. Юнис попыталась разглядеть, где она заканчивается, но хвост поезда прятался в тоннеле, который, по всей видимости, уходил под землю. Завораживающее зрелище. Такого реалистичного сна она еще не видела.

– Вперед! – скомандовал мужчина прямо над ухом девушки, и она невольно сделала шаг в эту неизвестность, и слышно было, как с треском рвется пелена, за которой все это время отчаянно пыталось спрятаться ее сознание.

Все это – не сон.

Когда снится кошмар, мы просыпаемся в поту, а сердце продолжает бешено колотиться, словно за нами гонится какой-то монстр. Вскоре мысли начинают медленно приходить в норму, успокаиваясь и избавляясь от деталей увиденного ужаса. Если повезет, кошмар бесследно исчезнет из памяти. Но это не было страшным сном.

И потому момент, когда реальность сорвала с Юнис защитное покрывало, и военный городок, люди вокруг, эти ровные дорожки и лужайки со всей остротой вонзились в ее сознание, она запомнила. Как только она сделала первый шаг по дороге к той крепости, она почувствовала реальность. Она проснулась. И от этого ноги отяжелели. Стало больно даже думать, потому что в голове возникали картины из недавнего прошлого.

Свет фар в окне. Звук мотора. Стук в дверь. Люди в форме. Мешок на полу. Крик мамы. Детский визг. Лицо Ксандера. Застывший взгляд. Синие полуоткрытые губы.

Ксандера больше нет.

Когда всех призывников завели внутрь той внушительной военной крепости, какой-то крепкий коренастый мужчина

скомандовал отвести всех в комнату ожидания. Чего ожидать, Юнис не знала, но покорно следовала за толпой, отдаваясь течению, перестав мыслить и чувствовать себя в пространстве.

Их привели в какой-то зал с экраном почти во всю стену и расставленными перед ним стульями, словно это был кинотеатр. Затем дверь захлопнулась. Большинство призывников тут же уселись и стали что-то обсуждать. Кто-то ходил из стороны в сторону, кто-то молча стоял, потупив взгляд. Юнис желала скрыться от всего мира, хотела найти хоть какой-нибудь укромный уголок и спрятаться там. Но вместо этого она рухнула на пол там, где стояла, и тихо заплакала, накрыв голову руками. Волосы тут же стали мокрыми, прилипли к лицу, слезы крупными каплями падали на пол и на пиджаму, в которой девушку увезли из дома. Боль заполонила все пространство вокруг, сдавливая горло и легкие.

Ксандер, милый Ксандер. Что с ним произошло? Кто допустил такое? Юнис оплакивала свою утрату, но до конца в нее не верила. Как можно даже представить, что ее брата, настоящего и такого хорошего, больше нет? Куда исчезли все его мысли? Куда испарился он сам? Пальцы невольно сжимали медальон на шее. Девушка отчетливо помнила его прикосновения. Он не мог исчезнуть...

Постепенно вместе с влагой из организма Юнис вышли все эмоции. По ощущениям, с приезда сюда прошло около часа. Призывники устали от болтовни, от ожидания и про-

сто молчали, думая о чем-то своем. Юнис сидела на полу, прислонившись спиной к стене и оглядывая всех опухшими и красными от слез глазами. Несмотря на спокойную атмосферу, воздух в этом зале был насквозь пропитан страхом. И постепенно Юнис подхватила его тоже. Ей было страшно думать о прошлом, страшно заглядывать в будущее. Ожидание медленно убивало остатки нервных клеток.

Сердце упало в пятки, когда дверь со скрипом отворилась. Все взгляды обратились к показавшемуся в проеме мужчине. У него было чересчур хмурое лицо с немного грубыми чертами, заросшее щетиной, русые спутавшиеся волосы, едва прикрывающие шею, и слегка надменный взгляд. То, что он не был одет в форму, как все военные, одновременно и пугало и успокаивало. Все замерли в ожидании.

– Харрисон! – резко произнес он, словно рубанул ножом по металлическому столу.

Повисло напряженное молчание. Юнис замерла, надеясь слиться со стеной. Почему он назвал ее фамилию?

– Харрисон! – с большим напором прогремел мужчина, переводя с одного на другого хмурый взгляд.

Юнис медленно поднялась, все еще чувствуя в ногах сильную дрожь.

– Ты Харрисон? – внимательно ее осмотрев, спросил незнакомец. – Иди за мной.

Подталкиваемая неведомой силой, девушка последовала за ним. Чуть позже, вспоминая эту встречу, Юнис невольно

улыбалась, удивляясь тем мыслям, которые тогда роились в ее голове. Однако в тот день все представлялось в гротесковом пугающем свете.

Выйдя за дверь, Юнис испытала облегчение, избавившись от общества призывников, которые подпитывали ее чувством страха. Но и этот незнакомец тоже не внушал доверия. Пройдя мимо военных, которые охраняли зал ожидания, и свернув в другой коридор, девушка остановилась.

– Кто вы такой?

Мужчина притормозил, медленно развернулся, недовольно сдвинув свои широкие брови, и нетерпеливо вздохнул.

– Мое имя Говард. Говард Сарвантес, – отчетливо произнес он. – Я твой ментор и, по просьбе канцлера, скорая помощь. Психолог, если хочешь. А теперь идем. Все объясню в кабинете.

Он схватил Юнис за запястье и завел в лифт, нажав на кнопку «2», и дверь затворилась. Девушка испуганно глядела на своего спутника. Он заметил ее взволнованный взгляд и фыркнул.

– Лучше бы здесь был твой брат. С парнями легче иметь дело...

Слова лезвием прошли по ушам Юнис. Вопросы застряли в горле, но губы недвижно молчали. Мысль о том, что все это должен был видеть Ксандер, не давала ей покоя. Казалось, из-за его смерти не только ее мир, но и весь мир в целом перевернулся, что-то сломалось, и теперь из-за этого

все вокруг растеряны.

Лифт быстро поднял их на этаж выше. Двери раздвинулись. Говард прошел вперед, отпустив руку Юнис. Она покорно следовала за ним, боясь сделать что-то не так. Какой-то невидимый, но непомерно тяжелый груз ответственности навалился на ее плечи, словно теперь ей предстояло отвечать не только за себя, но и за брата. Быть вдвойне осторожной, за двоих видеть, слышать и чувствовать.

Юнис молча шла за Говардом, пока тот не впустил ее в новую дверь. Кабинет был не очень богато обставлен: из мебели стояла лишь одна кровать, книжный шкаф и письменный стол, на котором лежала куча бумаг, стопки книг и стояла открытая бутылка, вероятно, какого-то крепкого напитка. Запах, по крайней мере, в этой комнате стоял терпкий, в нос ударяли нотки алкоголя. Закрыв дверь, Говард в молчании подошел к столу, достал из ящика стакан и стал наполнять его жидкостью из бутылки.

– Если вы хотите запугать меня, то у вас не получится. Я уже не боюсь, – уверенно произнесла Юнис, все еще стоя возле двери.

Говард замер, будто в удивлении, а затем разразился диким смехом. Девушка вжалась в дверь, пытаясь устоять на ногах. Рука сама потянулась к медальону, словно он был единственным спасением. Мужчина хохотал, а Юнис думала лишь о том, как задаст свои вопросы, давящие изнутри. Успокоившись, Говард выпил свой напиток и с грохотом по-

ставил пустой стакан на стол.

– А по тебе не скажешь, – пробормотал он, наполняя стакан снова. – Харрисон...

И так несколько раз, он выпивал и наливал снова, выпивал и наливал снова, не забывая внимательно осматривать рыжеволосую девушку, стоящую возле двери. При этом он с наслаждением вздыхал, словно смаковал эти моменты. Юнис вспомнилось, как отец мог так бесконечно долго сидеть за столом на кухне, подливая себе дешевый коньяк, и задумчиво смотреть в одну точку. Тогда было невозможно догадаться, что творится в его мыслях, что им движет. Может, он не знал, как остановиться?

Подталкиваемая воспоминаниями об отце, Юнис не выдержала и, подскочив к мужчине, выхватила из его рук бутылку.

– Хватит! – воскликнула она в не себя от злости. – Объясните уже, наконец, кто вы и чего от меня хотите!

Мужчина ошеломленно уставился на девушку, которая смотрела на него требовательным взглядом. Ему явно не понравился ее тон. Говард сложил руки на груди и грозно сверкнул глазами.

– Я все пытаюсь подобрать слова помягче. Но так и быть, скажу, как есть, – насмешливо спросил он, наблюдая, как Юнис снова теряет уверенность. – Ты в полной заднице, девочка! – выпалил он и выхватил бутылку из ее рук.

Девушка поникла на глазах, вспомнив, почему и зачем она

здесь. Стоило ли ей добиваться ответов, если ее дни все равно сочтены?

– Я здесь не для того, чтобы успокаивать и подтирать тебе слезки, хотя именно для этого меня вызвали сегодня в мой выходной, – сурово произнес он, вновь принявшись наполнять стакан. – Ты потеряла брата, сочувствую. Правда. Канцлер приказал поговорить с тобой, успокоить, залечить душевную рану... Но все это бред.

Говард указал рукой на потрепанный диван у стены. Юнис послушно села, сложив руки на коленях.

– Раны ты тут свои не залечишь. Не в этом месте, не так быстро, – мужчина говорил так, будто все понимает, но девушка видела, что он переигрывает. – А вот новые получишь. Так что не будем терять времени. Совет такой: слушай меня, если хочешь выжить.

Юнис недоверчиво взглянула на мужчину, который выпивал очередной стакан. Если он тут главный, то почему все время пьет? Неужели жизнь военных не такая сладкая? Хотя вряд ли этот пьяница является военным.

– Скажу честно, мне на тебя плевать точно так же, как и на остальных призывников. Но люди сверху приставили меня к тебе. Они думают, если у вас будут наставники, то есть менторы, то вам будет легче освоиться в Кастрисе, – Говард посмеялся над своими словами и взглянул на Юнис.

– Если вам все равно, тогда зачем я здесь? – недоверчиво спросила девушка, сложив руки на груди. – Мне тоже пле-

вать.

Говард усмехнулся этому жесту и уселся в свое кресло, небрежно закинув ноги на стол. В одной руке он все еще держал бутылку, в другой – стакан.

– Ты нужна мне. Пока не могу сказать, для чего, но нужна.

– Хотите меня использовать?

– Именно. И ты сама согласишься на это, потому что Фридман виновен в смерти твоего брата.

– Маркус Фридман? – Юнис вскочила на ноги, задрожав от злости. – Главнокомандующий?

– А! Уже захотелось отомстить? – довольно оскалился Говард. – Попридержи коней. Сначала тебе нужно выжить после инъекции...

– Что за инъекция? – с недоумением спросила Юнис.

– Скоро узнаешь.

– И все-таки? – девушка с просьбой в глазах смотрела на Говарда. Мужчина раздраженно вздохнул, поставив бутылку на стол. Он почесал свою щетину на подбородке, а затем убрал ноги со стола и выдвинул ящик, желая что-то найти среди бесконечных бумаг.

Девушка терпеливо ждала, теребя в руках прядь своих волос. Наконец, Говард задвинул ящик, достав оттуда железную коробочку. Юнис с замиранием сердца следила, как он открывает ее, но ее взгляд тут же потускнел, когда оттуда мужчина достал сигару. Девушка снова была готова взорваться от злости. Этот Говард оказался просто невыносим.

Он закурил сигару, словно оттягивая время.

– Инъекция – это первый этап. Естественный отбор призывников, – проговорил мужчина и выпустил кольцо дыма. – Я думаю, тебе известно, что людей забирают на так называемую «службу» уже десятки лет. Так вот, эта «служба» является прикрытием одного очень большого эксперимента.

– Так значит, нас не отправят за стену? – с надеждой спросила Юнис.

– О нет, милая, еще как отправят! Именно в этом и заключается вся соль эксперимента. Обычный человек из Конфинума умирает за пределами стены буквально за несколько часов. Есть идеи, почему?

– Радиация, это все знают, – сразу же ответила девушка, потупив взгляд на стол. Всем известно, чем окончилась Заключительная Война.

– Верно. У военных есть защитные костюмы, но в них далеко не уйдешь. Нам же необходимо найти способ выбраться из нашего аквариума и научиться жить за стеной, открывать новые территории, богатеть. Понимаешь? – не дождавшись ответа, Говард махнул рукой. – Неважно. В общем, оказалось, что мир за стеной обитаем. Там есть люди. Точнее дикари, или малумы, как мы их называем.

– Люди? Живые?

– Еще какие живые! Но про малумов потом. Тебе наверняка интересно, что же такое инъекция? Так вот, в крови малумов, видоизмененных людей, обнаружили компонент, ко-

торый позволяет им уживаться с радиацией. Чуешь, к чему все идет?

Говард замер, глядя на задумчивое лицо Юнис.

– Но вряд ли людям просто переливают их кровь, это же опасно – произнесла Юнис. Этот разговор почему-то стал вызывать у нее интерес.

– Верно. Но зачем переливать всю кровь? – Говарду, по всей видимости, нравился энтузиазм собеседницы. – Ученые придумали способ, как изымать из плазмы крови нужный им компонент, называя это сывороткой. Не сразу конечно... Применять микстуру на практике стали лишь двадцать лет назад. Призывникам, то есть подобным тебе, стали вливать в кровь это вещество. И знаешь, к чему эта вся предыстория? – Говард замолчал на одно лишь мгновение, и для Юнис оно показалось вечностью. – Большая часть подопытных погибает от ее воздействия. Кто-то сразу, а кто-то в страшных муках.

– Отлично! – с иронией вскрикнула девушка, со злостью сжав кулаки. – Почему бы им не ставить эти опыты на себе?!

– Хороший вопрос, – равнодушно произнес Говард, наблюдая за реакцией Юнис. – Кто знает, может тебе повезет, и микстура придется твоему организму по душе? – он пожал плечами с таким видом, будто вся эта ситуация забавляла его. – И тогда ты мне пригодишься. Но, как видишь, я не ставлю на твое выживание. Однако оно выгодно нам обоим.

– Значит, никаких плантаций нет... – разочарованно

вздохнула девушка, вспомнив слова брата. – Это просто издевательство какое-то. Получается, люди просто нужны для опытов? Вот какой долг мы отдаем государству...

– Да уж, неловко как-то вышло, – Говард изобразил досаду, звучно втянув воздух в себя. – Эту горькую правду должен был рассказать Фридман. Но скрывать не буду, мне нравится его опережать. Вот тебе реальность на блюдечке. Приятного аппетита.

Девушка вспыхнула от злости. Ее всю жизнь держали за идиотку! И хоть в этот миг Юнис ненавидела одного только канцлера, Говард тоже ей стал противен.

– Вы для этого меня позвали? Посмеяться? – раздраженно воскликнула Юнис и развернулась к выходу. – Отведите меня к другим!

– На эту веселую вечеринку? – рассмеялся ей в спину Говард. – Слушай, ты мне нравишься. Если хочешь, я расскажу тебе еще кое-что. Послушай на случай, если вдруг... конечно, я в этом очень сомневаюсь, но если вдруг, ты выживешь...

Мужчина замолчал в ожидании реакции Юнис. Девушка повернулась к нему. На лице Говарда сияла победная улыбка. Ему, видимо, нравилось играть со своей подопечной. Он словно испытывал ее. Юнис ждала обещанного рассказа. Тогда мужчина встал из-за стола и стал медленно приближаться к ней, все еще держа в руке стакан, на дне которого плескался алкоголь. Он остановился в двух метрах от Юнис и сделал

глоток.

– Малум. Запомни это слово. Это твой главный враг за стеной. Эти твари сильны, жестоки и очень опасны. Знаешь, почему? – теперь на его лице не было и следа от улыбки. – Тот компонент крови не только помогает приспособливаться к радиации, но и определяет принадлежность к расе, – Говард взглянул на Юнис и понял, что она ждет продолжения. – Каждая раса имеет свои особенности, и я бы не назвал их обычными. В Конфиниуме такого не встретишь.

– И что это за особенности?

Юнис нервно убрала волосы за спину и обхватила себя руками. Ее ждет какая-то инъекция, застенный мир, где обитают какие-то твари – все услышанное уже выходило за рамки реальности, в которой она привыкла жить. Что может быть хуже?

– Пусть будет сюрприз, – улыбнулся Говард. – Может, эта интрига послужит тебе хорошим стимулом, чтобы выжить.

– Да, – только и смогла ответить Юнис, пытаясь осознать весь масштаб трагедии. – Спасибо... наверное.

– Это я буду тебе благодарен, если выживешь, – мужчина вдруг положил руку на ее плечо. – И тогда нас ждут великие дела.

Одним движением руки он развернул Юнис в сторону выхода. Девушка шагнула вперед, но вдруг Говард ее остановил.

– Еще один момент. На сегодняшний день наши люди вы-

вели двенадцать чистых сывороток, результат которых нам точно известен. Если тебе выпадет одна из них и если ты выживешь, я буду знать, к чему тебя готовить. Но есть еще одна сыворотка, которую они вывели всего полгода назад, но уже хотят опробовать на троих из вас.

– Важная информация, – кивнула головой Юнис. – Какая разница, умру я от микстуры или за стеной? Мне все равно, что выпадет. Вы же уверены, что я не переживу инъекцию? – скорее утвердила, чем спросила девушка и взглянула на мужчину. Говард ничего не ответил, а лишь с сочувствием поглядел в ее сторону.

– Ничего личного, детка...

После этого разговора ей было страшно. Безумно страшно. И все же Юнис была благодарна Говарду за то, что отвлек ее от недавнего горя. Теперь ее мысли были только об этой загадочной инъекции. И о смерти.

Хотелось верить, что все это не про нее, что Юнис точно выживет, но вдруг...

Вдруг...

Глава 3. Если я умру

Если я умру на твоих руках,

Ты меня оплакивать не спеши,

Как могу уйти, возвратиться в прах,

Не насытив глаз, не смилив души.

Не при звездах приду, да не при луне,

В темный волчий час на твое крыльцо,

Выйди, выйди, сердце мое, ко мне,

Дай мне вновь увидеть твое лицо...

(Мельница. Если я умру)

Двери торжественно распахнулись. В наполненный призывниками зал вошел верховный главнокомандующий вооруженных сил Конфиниума Маркус Фридман, человек, чье имя было таким же известным, как имя самого канцлера. Высокий статный мужчина в темно-синем парадном мундире, начищенными до блеска сапогами и белоснежными перчатками. Лицо было гладко выбрито, а темные с проседью волосы на голове острижены максимально коротко. На пепельно-серые, всегда по-внимательному суженные глаза опускались тяжелые брови, почти съехавшиеся вместе от напряжения. Вид Фридмана казался безупречным, и даже ярко выступающие морщины на лбу играли в пользу его сурового образа. Филипп помнил его с детства, ведь канцлер часто проводил встречи с главнокомандующим, но вспомнить его

молодое лицо было сложно – казалось, он всегда выглядел как сейчас. Такой же идеально зрелый и опытный, чтобы выглядеть мудрецом в теле воина.

И будучи мальчиком Филипп навсегда запомнил холодный звенящий голос и оглушающие слова, вьедшиеся в сознание: «Воспитывайте сына почаще кнутом, а не пряником. Настоящим кнутом. Мужчины должны с малых лет привыкать к боли». И Филипп невзлюбил этого человека. Когда в детстве его наказывали, он невольно вспоминал лицо Маркуса Фридмана.

– Приветствую вас, призывники! – громко и отчетливо воскликнул главнокомандующий, возвысившись на трибуне. – Добро пожаловать в Кастрис, закрытую базу для военной подготовки. Меня зовут Маркус Фридман, и я здесь главный.

После этих слов мужчина замолчал, дожидаясь, пока все впитают их. Тем временем он оценивающим взглядом осматривал каждого из призывников. Спустя пару мгновений его серые глаза уже впивались в Филиппа с каким-то особым упоением, и юноша понял, что Маркус искал в толпе именно его. После продолжительной паузы мужчина едва заметно улыбнулся уголком рта. И в этот момент началось невидимое противоборство. Филипп понял, что его присутствие среди призывников приносит главнокомандующему удовольствие. Возможно, он радовался тому, что канцлер остался без наследника или же просто мысленно глумился над выброшен-

ным принцем. Умом Филипп понимал, что делить им особо нечего, но чувствовал, что они с Фридманом априори соперничают с самой первой их встречи.

Маркус Фридман, несомненно, отличный главнокомандующий, и, возможно, лучший в своем роде. Он занял свою должность даже раньше, чем Винсонт Марчелл стал канцлером. Благодаря ему в Кастрисе царит дисциплина и порядок. Циничность и холодный ум – вот залог успеха в военной карьере. Однако даже многочисленные заслуги и признание со стороны отца не помогли Филиппу увидеть нимб над головой этого человека. В его глазах Фридман оставался бездушной скалой, тень которой упала на него еще в детстве, и теперь всей душой мальчик, который вырос, хочет преодолеть эту преграду.

Мысли Филиппа неожиданно прервались, так как перед его носом словно пронесся рыжий пушистый зверь, ударив по лицу своим мягким хвостом. Юноша в недоумении проследил за рыжими волосами. Слева от него уселась девушка, опоздавшая на собрание, вероятно потому, что недавно ее увел из зала ожидания какой-то мужчина. Интересно, кто она такая? Незнакомка вцепилась в ручки кресла, будто боялась, что кто-то займет ее место. На ней была лишь ночная пижама, словно ее забрали из дома прямо посреди ночи, причем неожиданно. Это выглядело странно, ведь всем призывникам заблаговременно присылают уведомительные письма.

Филипп изучающее смотрел на рыжую девушку справа.

И вдруг почувствовал запах, исходящий от нее. Пахло... свежескошенной травой. Как в детстве, когда он маленьким мальчиком путешествовал с мамой по стране.

Тем временем девушка выпрямила спину, словно сидела в школе за партой, и смотрела вперед, неотрывно наблюдая за главнокомандующим. Она была напугана, как и все, но в ее взгляде была сосредоточенность, готовность к действиям. Филипп хотел рассмотреть ее лицо получше, но тут незнакомка стала поворачивать голову в его сторону...

...Юнис ощутила на себе чей-то взгляд. Она интуитивно оглянулась вправо, и увидела темноволосого парня, быстро отведшего глаза. Да это же самый настоящий Филипп Марчелл! Неужели он и вправду здесь? Как же необычно видеть его рядом, вживую, словно он обычный смертный, как и все здесь. Но ведь теперь-то он действительно самый обычный призывник. Странно, как это канцлер позволил забрать своего сына, единственного наследника? Неужели принц плохо себя вел, и его выгнали из дворца? Сложно представить, по какой причине он оказался на соседнем кресле. И все же он здесь.

Филиппа Марчелла было трудно забыть, увидев хоть раз. Юнис много раз наблюдала его лицо в газетах, слышала о нем по радио – канцлер показывал своего сына везде и всюду, будто бы желал, чтобы о нем говорила каждая собака на улице. В общем-то, так и было. Наследника Марчелла зна-

ли все. И теперь, взглянув на это лицо только одним глазком, Юнис сразу узнала его. Она узнала его по выдающимся чертам лица, по густым темным волосам, по гордой осанке. Он уверенно смотрел вперед, прямо на высокого мужчину за трибуной, который как раз что-то говорил о чести...

Господи! В это слишком сложно поверить. Она здесь, в Кастрисе! Юнис оглядывала все вокруг, словно наблюдая происходящее со стороны. Она заметила, что все, кроме нее, одеты в строгие платья и костюмы. Как вся ее семья вчера.

Юнис закрыла глаза, глубоко вдыхая и выдыхая. В одном Говард был прав – она жаждет мести...

...Филипп отвел взгляд, осознав, что был пойман с поличным. Исподтишка наблюдать за людьми неприлично, и он знал это с малых лет. А вот рыжеволосая соседка, видимо, не знакома с правилами этикета, поэтому продолжала еще некоторое время рассматривать его безо всякого стеснения. Хоть Филипп и привык к такому вниманию и понимал, что призывникам непривычно видеть наследника канцлера рядом с собой, но любование этой девушки стало ему надоедать. Он хотел было уже упрекнуть ее в некультурности, как вдруг Фридман снова заговорил.

– Итак, друзья мои, – продолжал свою речь главнокомандующий, закончив тираду о чести. – Здесь начинается ваша новая жизнь. Забудьте все, что вы когда-либо слышали о нашем проекте, о мире за стеной. Мы постараемся вас научить

всему, что знаем сами. Впредь мы с вами будем сотрудничать, и мы надеемся, что вы пойдете государству навстречу, несмотря на то, что нам пришлось разлучить вас с близкими...

– Что вы сделали с моим братом? – прозвучал ледяной голос, прервавший речь Фридмана.

Филипп повернулся к соседке. Это и вправду произнесла она? После ее слов все вокруг волнительно зашептались. Вряд ли кто-то понимал, о чем она говорила.

– Прошу прощения? – сдержанно спросил Фридман, и Филипп почувствовал в его голосе нотку угрозы – этот человек явно не любил, когда его прерывают, тем более у всех на виду.

– Не понимаете, о чем я? – с издевкой усмехнулась рыжеволосая девушка, крепче ухватившись за ручки кресла и наклонившись вперед. – Вчера ваши солдаты привезли моего старшего брата обратно домой, после того, как его забрали на службу. Он был мертв! Почему? Что вы с ним сделали?!

– Ксандер Харрисон... – после небольшой паузы задумчиво произнес мужчина, вспомнив, о ком идет речь. – Примите мои соболезнования. Я понимаю, это большое горе. Но уверяю вас и всех присутствующих, что мы не причастны к его смерти. Это был несчастный случай, не более того.

Уверенность в словах и поведении Маркуса Фридмана поражала Филиппа. Как он мог так равнодушно говорить об этом? Но безрассудство девушки рядом поражало еще боль-

ше. Неужели она не понимает, кто перед ней? Или она сейчас вообще не соображает?

Девушка вдруг возмущенно сдвинула брови и встала с места. Несколько военных тут же дернулись в ее сторону, но Фридман остановил их жестом руки. Он не боялся обычной девчонки, его не волновали ее чувства, смерть брата – это все он умел обернуть в свою пользу, чтобы в очередной раз показать свою власть и силу.

– Несчастный случай?! Что вы имеете...

– Приступ, – перебив ее, отрезал Фридман. – Во время поездки у него случился приступ астмы – видимо, переволновался. Он перестал дышать. Солдаты ничего не смогли сделать. Мне очень жаль. В его медицинской карте не было сведений о болезни. Иначе он бы не попал в список призывников.

Филипп, не отрывая взгляда, смотрел на соседку, которая услышав только слово «приступ», словно все осознала, охваченная ужасом, зажала рот рукой, сдерживая слезы, которые уже непроизвольно текли по ее лицу и пальцам. Сморщившись от боли, она замолчала, сев обратно в кресло и уже не собиралась продолжать разговор.

Искренние сильные эмоции Филиппу доводилось видеть нечасто, да и испытывать тоже. Живя в мире театрально вежливых и учтивых лжецов, он привык надевать маску равнодушия и практически сросся с ней. Потому эти слезы произвели на него такое сильное впечатление, что он просто замер,

глядя на плачущее лицо девушки. Ее слезы потрясли его. И почему-то перед глазами возникло лицо мамы. И то, как он еще мальчиком плакал по ней, когда понял, что больше никогда ее не увидит. Чувство потери Филиппу было знакомо.

– Этот случай был первым и единственным за все время. Теперь вы знаете, как важно оповещать медицинские центры о тяжелых заболеваниях. В противном случае, вы видите, к чему это может привести, – Фридман сделал паузу, окинув взглядом всех призывников, недоверчиво смотрящих в его сторону. – Что же, в любом случае, у вас есть выбор. Те, кто не желает с нами работать и отдавать свой долг государству, могут сейчас же покинуть этот зал.

Фридман указал правой рукой на двери, которые только что были открыты военными. Несколько минут все просто смотрели в сторону выхода. Повисла напряженная тишина. Филипп был уверен, что это игра. Жестокая игра. Фридман не был склонен к компромиссам – не в его интересах сейчас терять драгоценный материал в виде бесплатных человеческих жизней.

Затянувшаяся пауза нарушилась одним из призывников. Юноша с заднего ряда поднялся со своего кресла и осторожно, неуверенным шагом стал перебираться к двери. За ним последовало еще трое парней и две девушки. Филипп внимательно наблюдал за ними, искоса поглядывая на Фридмана, следя за его реакцией. Не может быть все так просто.

Почувствовав легкое движение, исходящее от соседнего

кресла слева, юноша инстинктивно схватил девушку за руку, заставив ее замереть и не вставать с места. Рыжеволосая соседка непонимающе взглянула на него. Юноша чуть заметно покачал головой, чувствуя на себе взгляд главнокомандующего и стараясь при этом сохранять спокойствие. К удивлению для самого себя, Филипп хотел защитить эту девушку. Возможно, он хотел спасти хоть кого-то, если это было в его силах. К тому же неплохо, если в окружении будет человек, обязанный ему своей жизнью. Подумав об этом, Филипп тут же вспомнил об отце – он научил его быть слишком расчетливым, заразил цинизмом. Это помогало парню в любой ситуации мыслить здраво и не поддаваться эмоциям, но иногда ему было не по себе от своих же мыслей.

Тем временем отчаянные призывники, осмелившиеся выйти из зала, уже скрылись за дверьми. И как только исчез последний силуэт, все подозрения Филиппа насчет ловушки подтвердились – раздалась целая серия резких оглушающих выстрелов.

Тут же стены зала наполнились испуганными криками призывников. Всех охватила волна страха, чего, как был уверен Филипп, и добивался Маркус Фридман. В глазах каждого читался застывший ужас и непонимание – за что? Филипп не был удивлен, не был напуган, но почувствовал отвращение и злость. Своей ладонью он почувствовал, как задрожали пальцы рыжеволосой девчонки, которая нервно выхватила свою руку и прижала к груди, будто выстрелы пришлись

по ее сердцу.

«Долго не протянет», – подумал Филипп, взглянув на нее и вновь почувствовав запах скошенной травы.

...Юнис выхватила свою руку, мысленно благодаря сына канцлера за то, что он предостерег ее от верной смерти. В ее висках оглушительно пульсировала кровь. Что только что произошло? Военные хотят сотрудничать или запугать призывников? Неужели это ее слова стали причиной кровопролития? От этой мысли Юнис пробило дикой дрожью. Она не хотела этого. Нет.

Нет, нет... Только не по ее вине!

Невольно глаза девушки обратились к Фридману. Он стоял неподвижно, ни один мускул на его лице не дрогнул. Разве человек может быть таким? Он только что буквально своими руками убил шестерых невинных и остается таким спокойным!

Словно очнувшись, мужчина устало вздохнул и спросил, разведя руками:

– Ну что, больше желающих нет? – его голос громом прошелся по тишине. Ответа не последовало, и тогда он решил продолжить. – Хорошо, я так и думал.

Фридман кивнул головой своим подчиненным, и военные закрыли двери, оставляя снаружи мертвые тела несчастных парней и девушек, погибших лишь по своей наивности. А может, им повезло больше всех? Они не мучились, не испы-

тали на себе всех ужасов мира за стеной и умерли с надеждой на то, что совсем скоро вернутся домой...

– Через час вас ждет инъекция, – стальным, ничуть не поколебавшимся голосом продолжил свое дело Фридман. – Благодаря сыворотке, которую введут вам в кровь, вы сможете выжить за стеной. В этой сыворотке содержится компонент, который определит вашу принадлежность к одной из рас существ, живущих на той стороне. В зависимости от того, какую расу вы примете на себя, в вашем теле произойдут некоторые изменения, которые откроют для вас новые возможности. Мы называем эти изменения "даром". На данный момент, мы открыли свойства двенадцати компонентов, позволяющих вам... видеть сквозь стены, дышать под водой, менять цвет кожи – и это только часть всех даров.

До Фридмана донеслись восхищенные возгласы. Юнис насторожилась, вспомнив слова Говарда: «Сначала нужно выжить после инъекции». Поэтому реакция других показалась ей просто смешной. Как можно вообще этому радоваться? Неужели недавние выстрелы за дверью уже стерлись из памяти?

– Все эти возможности открыты для вас! Кто знает, может быть, совсем скоро вы станете героями в наших глазах, – Фридман даже улыбнулся, чтобы сильнее убедить призывников в том, что желает им всем лишь успеха, и на многих это и вправду действовало. – Для этого вам всего лишь нужно пережить введение сыворотки. Я уверен, большинство из вас

легко справятся с этой задачей. Ну, а те, кому в этом не повезет... знайте, что вы принесете неоценимый вклад в будущее науки. И я, и все человечество говорим вам заранее спасибо.

Эти слова прозвучали как заранее подготовленный некролог, отчего Юнис еще больше прониклась отчаяньем. Правительству нет дела до умирающих людей. Им всем плевать на их жертву, на их семьи, которые уже оплакивают своих детей. Как она могла надеяться, что за стеной могут ждать какие-то сказочные плантации? Как Ксандер мог в это верить?

– Сейчас вам нужно пройти тщательное обследование. Вас осмотрят и подготовят к инъекции. Желаю вам успехов, до новых встреч!

Фридман натянул фальшивую улыбку и указал рукой на дверь.

– Раздевайтесь, – скомандовал молодой мужчина, одетый в белый халат. Это был медицинский работник, осматривающий Юнис. Он сел за стол и стал вчитываться в какую-то бумагу, вероятно, ее медицинскую карту.

Девушка неохотно прошла к белой кушетке и стала снимать свою одежду. Впрочем, и снимать-то было нечего – на ней была лишь ночная пижама. Хоть это и не нравилось Юнис, но она осталась в одной рубашке и трусах перед врачом, который, между прочим, был мужчиной. Она не стеснялась своего тела, но осмотр заставлял ее смущаться. На ее теле был лишь один изъян – небольшой шрам у пупка,

приобретенный в результате неудачного падения с овцы на острый камень. Юнис было всего шесть, и она очень хотела оседлать это животное.

Молодой мужчина повернул к ней свое лицо и нахмурил брови.

– Полностью раздевайтесь, – спокойно потребовал он и снова обратился к чтению.

Щеки Юнис вспыхнули от смущения.

– Ну уж нет! – воскликнула она и обхватила себя руками, стараясь прикрыть и так слишком открытые участки тела.

– Извините, но мне нужно осмотреть вас полностью. Не переживайте, я же врач...

– Да вы извращенец какой-то! – еще больше возмутилась девушка. – Я не разденусь!

Мужчина покачал головой и тяжело вздохнул.

– Почему из двухсот призывников мне досталась эта женщина... – он потер свой лоб и отложил бумаги в сторону.

– Уже сто девяносто четыре...

– Что?

– Сто девяносто четыре осталось, – поправила врача Юнис, опустив взгляд.

– Да, – кивнул головой мужчина, не желая долго говорить на эту тему. – Слушай, я не хочу звать на помощь охрану, так что...

– Ладно, поняла.

Юнис отошла к кушетке, уверенно потянулась к пугови-

цам на рубашке и расстегнула одну за другой. Господи, что она делает? Ни один мужчина ни разу не видел ее обнаженной, а тут на тебе! Хотя, что терять? Может быть, сегодня ее настигнет смерть... Подумав об этом, Юнис без стыда избавилась и от остальной одежды, оставшись обнаженной. Пускай этот доктор полюбуется молодым телом, пока оно не стало обычным холодным трупом.

Пытаясь хоть как-то скрыть свою наготу, Юнис перебрала длинные рыжие волосы через плечи, чтобы они прикрыли грудь.

Врач усмехнулся и встал из-за стола.

– Меня зовут Джаред Льюис. Для тебя я просто доктор Льюис, – его голос остался таким же спокойным и заботливым. – У тебя есть какие-то хронические заболевания?

– Нет, – покачала головой Юнис, пытаясь вспомнить что-то подобное, а в голове лишь возникло слово «астма», относящееся к брату.

– Аллергии?

– Да вроде нет.

– Жалобы тоже отсутствуют?

– Отсутствуют.

– Откуда шрам? – спросил мужчина, а потом поднял палец вверх, напряженно сдвинув брови. – Стой! Не говори! Ммм... Осколок? Глубокий порез, да? Я прав? Наверняка, стекло.

– Не стекло, камень, – усмехнулась девушка, удивившись

такому энтузиазму врача. Ему работа точно доставляла удовольствие.

– Да тебе хоть сейчас за стену! – весело воскликнул Льюис, что вызвало недоумение на лице Юнис. – Да это шутка такая...

Девушка взвела глаза к небу. Мало того, что ей грозит смертельная опасность, она стоит перед ним совсем без одежды, так он еще и веселится.

– Слова словами, давай приступим к осмотру, – доктор надел на руки резиновые перчатки. – Для начала я осмотрю твою кожу...

Закончив, Льюис сказал, что Юнис в полном порядке и велел ей одеваться.

– Надеюсь, ты сможешь пережить перевоплощение.

– Только не говорите, что вам будет жаль меня, если я умру, – усмехнулась девушка безо всякой иронии и без злости. Просто она понимала, что его слова не могут быть правдой.

– Ты права, – улыбнувшись, согласился Льюис. – Я потерял слишком много пациентов, чтобы переживать из-за каждого. Но все же у меня есть сердце, поверь.

– Хорошо, верю, – усмехнулась Юнис, закончив одеваться, и вот она вновь стоит в своей ночной пижаме.

Внезапно по всей комнате эхом раздалось урчание желудка.

– Ты голодна? – заметил Льюис.

– Да, все забыли, что мы люди и иногда едим.

– Это хорошо. Сыворотка лучше усваивается на пустой желудок, когда в организме нет лишних веществ.

– О, как замечательно! А вы бы хотели умереть на пустой желудок?

– Только посмотрите на нее! – рассмеялся вдруг доктор. – Я бы на твоём месте трясся от страха, а тебе удастся шутить и улыбаться! Нет, ну ты точно выживешь. Давай заключим пари насмерть?

Юнис недоумевающе взглянула на Льюиса. Этот парень совсем слетел с катушек. Неужели он думает, что ей сейчас есть дело до его игр?

– То есть, если ты выживешь, попроси меня все, что захочешь. Ну как? Ты в любом случае ничего не теряешь, – он улыбнулся, радуясь своей идее, как ребенок. Неужели он и впрямь не понимает, что говорит о жизни и смерти? Девушка только осуждающе покачала головой, подумав, что это и вправду выгодное предложение, хотя и немного странное. Зачем оно надо Льюису? Вроде умный человек, работает врачом, а придумал какую-то ерунду. Неужели ему здесь настолько скучно?

– Глупость, если честно, – фыркнула Юнис. – Но я согласна.

– Идет! – воскликнул Льюис, радостно сжав пальцы в кулак.

Тут в дверь постучали. Сердце девушки замерло. Неужели

пора? Ей нужно еще хотя бы несколько минут...

– Я вхожу!

За дверью послышался какой-то знакомый голос, и когда человек вошел, Юнис сразу его узнала. Это был Говард. Тот самый грубиян-нравоучитель, желающий использовать ее в своих целях. Зачем он явился сюда?

– Джаред, оставь нас, – требовательно попросил мужчина и указал врачу на дверь.

Льюис безо всяких вопросов спокойно направился к выходу.

– Пстой! – Юнис по непонятной для себя причине схватила его за рукав халата. Этот доктор вселял в нее спокойствие, и ей не хотелось его потерять.

Тот ошеломленно уставился на девушку, а затем улыбнулся. Остановившись, Льюис достал из своего кармана тоненькую белую резиночку, протянув ее Юнис и указав глазами на распущенные волосы. Она молча приняла это, отпустив халат врача. Добродушный доктор снова улыбнулся и вышел за дверь.

– Садись! – резко потребовал Говард. Он явно был чем-то взбешен, и поэтому Юнис послушно приземлилась на стул Льюиса, уставившись на мужчину испуганным взглядом.

Говард сделал несколько шагов в ее сторону и остановился.

– Молодец, ничего не скажешь! – с иронией и упреком прошипел мужчина, но Юнис не понимала причину такого

тона. Что она сделала не так? – Ты хоть понимаешь, что ты наделала? Ты собственноручно вырыла себе могилу, девочка!

Говард все повышал голос, и это пугало девушку. Она с силой вцепилась в край стола, боясь, что крик этого дикаря снесет ее со стула.

– Не-е-ет, я даже не подозревал, что ты настолько глупа!

– Да что происходит?! – закричала Юнис, напуганная до полусмерти. – Что я такого сделала?

Говард взвел глаза к потолку, сложив руки на груди.

– А кто решил встать поперек горла Фридману?! – зарычал мужчина, а девушка начинала понимать, в чем тут дело.

Неужели каждое слово, сказанное здесь, оборачивается какой-то неприятностью? Пока Юнис не понимала, что все-таки произошло, но подозревала, что ответ на этот вопрос ей совсем не понравится. Фридман явно не умеет прощать...

– Моя вина, конечно, – Говард вдруг совсем изменился в лице. Он... погрустнел! Неужели? Что это с ним? Юнис с недоумением наблюдала за странным поведением мужчины. Тот провел рукой по лицу и уселся на кушетку, не переставая тереть правый висок, будто мучаясь от головной боли.

– Надо было научить тебя манерам, предупредить о Фридмане, – с досадой произнес Говард, не замечая, что Юнис совсем обескуражена его поведением и словами.

– Объясни, наконец, – потребовала девушка, встав со стула. Мужчина исподлобья взглянул на нее усталыми глазами.

– Ты здорово разозлила главнокомандующего, – покачал головой Говард. – Заставила других сомневаться в нем, бросила в лицо обвинения на глазах у всех. Он такого не терпит. Нет... Но я, конечно, восхищен твоей самоотверженностью. Настоящая мазохистка! Я же не в буквальном смысле сказал, что Фридман убил твоего брата!

– Да я понимаю, – опустив глаза, сказала девушка. – Хотела знать просто... почему он умер.

Говард глухо кашлянул, а затем сел поудобнее, стряхнув рукой упавшие на лицо волосы. Казалось, он немного успокоился, выплеснув свою ярость. Теперь он не был похож на бочку с порохом.

– Как бы то ни было, он решил от тебя избавиться, – его голос помрачнел.

– Он убьет меня? – неравно сглотнув, спросила Юнис, и это вызвало на лице Говарда насмешливую улыбку.

– Этому ему никто не позволит. Ты ведь теперь под приглядом самого канцлера. Ну, из-за неловкой ситуации с твоим братом...

В качестве заботливого наставника Говард выглядел слегка нелепо, и это забавляло девушку. Он хотел казаться добрым, но в то же время не умел подбирать нужные слова. Из-за его изменчивого поведения Юнис не понимала, злится он на нее или нет? Если ее не убьют, то почему она должна бояться Фридмана?

– Он нашел легальный способ тебя устранить, – со сталью

в голосе добавил Говард, пожав плечами, мол, сама виновата. – Тебе достанется сыворотка с неизвестным компонентом.

Юнис растерялась от такой новости. Сыворотка не испытана, но кто знает, вдруг она безопаснее всех остальных? Может, она не так опасна, может, напротив, это увеличивает ее шансы выжить? Или же наоборот...

– Никто же не знает о ее действии? – с надеждой в голосе спросила Юнис, избавляя себя от дурных мыслей. Ксандер бы не стал отчаиваться, и она не будет.

Говард улыбнулся, наклонив голову набок.

– Это верно, – согласился он.

В дверь неожиданно постучали, и Юнис вздрогнула.

– Приехали... – выдохнул Говард, поднявшись с кушетки и с жалостью взглянув на свою подопечную. – Пора, детка.

Вместе с другими ее завели в огромную лабораторию с ярким освещением. Это было длинное помещение с белыми стенами, вдоль которых располагалось множество палат с прозрачными стеклянными перегородками. Над каждой кроватью висела табличка с номером. По ним и распределяли призывников. Ожидая своей очереди, Юнис пыталась успокоиться тем, что заплетала волосы в косу.

– Девяносто девятый!

Юнис обернулась и увидела перед собой женщину в белом халате. Она указала рукой вперед. Девушка направилась к

своему месту. В одной из палат она снова заметила Филиппа Марчелла. Он укладывался на кровать, и его лицо было такое спокойное... Неужели ему совсем не страшно?

Задумавшись, Юнис не заметила, как дошла до своей палаты.

– Ложитесь, – вежливо попросила женщина.

Юнис послушно легла на кушетку. Под головой оказалась мягкая подушка, прикоснувшись к которой, девушка поняла, что ей тоже спокойно. Смерть или жизнь – все равно. Нет смысла бояться этой сыворотки, ведь итог будет один. Умереть здесь или за стеной – что лучше? Юнис никак не могла решить. Да и времени на это не оставалось.

К ней подошел человек в белом халате, чепчике, резиновых перчатках и с маской на лице, и было невозможно разобрать даже, мужчина это или женщина. Да и какая, впрочем, разница, ведь в руках этого человека был ампула с треклятой микстурой. Та женщина, что привела сюда Юнис, наклонилась к ней, достала из-за кушетки пару ремней и закрепила их, сомкнув на поясе девушки. Точно так же она сковала ее руки и ноги. Теперь сердце Юнис забилось сильнее.

– Это для вашей же безопасности, – объяснила женщина в белом, словно прочитала вопрос в глазах девушки. Юнис кивнула ей в ответ, пытаясь собраться с мыслями. Этот момент уже так близко! Теперь она чувствовала явную дрожь, проскользнувшую по всему телу. Дыханье участилось. На лбу появились капельки холодного пота. Очень сильным бы-

ло желание сорвать с себя эти ремни и бежать отсюда куда подальше...

– После инъекции вы сразу уснете, – заговорила женщина, достав шприц, больше напоминающий толстую ручку для письма. Она протянула его тому человеку, который держал в руках сыворотку. Он осторожно открыл флакон и наполнил шприц желтоватой жидкостью.

– Будет немного больно, – предупредила женщина, переводя взгляд то на взволнованную девушку, то на человека со шприцем. В ее голосе слышалась неподдельная жалость. Может, ее детей тоже убили здесь? Может, она страдает, смотря на то, как мучаются чьи-то дети, вновь и вновь переживая свою утрату? Юнис пыталась отвлечь себя этими глупыми размышлениями в то время, как человек в маске потянул к себе ее руку и стал протирать спиртом выступающую вену.

Вот оно, то чувство, когда твоя жизнь вот-вот оборвется! Девушка подняла глаза вверх, к потолку, чтобы не видеть, как эта жидкость вливается в ее кровь. Почувствовав, как игла пронзила ее кожу, Юнис задержала дыхание, услышав сквозь стук в висках просьбу не напрягаться. Тело пронзило болью, словно ударом тока – назад пути нет. Юнис перестала чувствовать свою руку и в испуге посмотрела на нее – вроде на месте.

Набежала усталость. Тяжелые веки, тяжелая голова, тяжелые звуки вокруг. Все в миг словно провалилось в какой-то водоворот. Видимо, из-за этой микстуры стала кружиться го-

лова. Девушка закрыла глаза, пытаясь ни о чем не думать. Она старалась бороться с сывороткой, но это вещество, словно раскаленная лава, поднималась вверх по сосудам, пробираясь прямо к сердцу.

Нужно бороться с этим, нельзя засыпать, нельзя терять связь с этим миром, с этой жизнью! Юнис распахнула глаза, почувствовав прилив сил. И сердце застыло.

Почему она оказалась у себя дома? Юнис осторожно поднялась с кровати и посмотрела на свою руку – ни следа от инъекции. Что это значит? Неужели этот кошмар ей только приснился? Не помня себя от радости, девушка спустилась вниз по лестнице. Ступеньки закружились... Почему-то стало жарко.

На кухне стояла мама... Мама?! Юнис была готова разрыдаться от счастья! Девушка подбежала к женщине сзади и крепко сжала ее в своих объятьях.

– Что с тобой, родная? – у мамы был какой-то странный голос. Конечно, она же не знает о том, что снилось ее дочери. Юнис хотела что-то ответить, но не смогла вымолвить ни слова, будто кто-то зажал ей рот.

– Где ты была?

Сзади послышался до боли знакомый голос, который мог только почудиться девушке. Она не поверила своим ушам, но все же обернулась на зов. Этого не может быть! Юнис увидела перед собой брата! Но она своими глазами видела его мертвое тело. Неужели это все ей только снилось? Ксан-

дер жив. Конечно жив! Он прямо перед ней, он разговаривает с ней!

Девушка хотела выкрикнуть его имя, но не смогла. Она словно потеряла дар речи. Наверное, это от счастья.

– Где ты была? – повторил он свой вопрос, который показался Юнис неуместным и странным. Что значит, где она была? Если это всего лишь был сон, то она все время находилась в своей кровати. Ксандер, ты ли это? Что же ты такое спрашиваешь, глупый? Она так рада его видеть, а он ведет себя как ни в чем не бывало. Хотя... если этот ужас происходил только в ее голове, откуда им всем знать, что сейчас творится в ее душе?

Дом. Милый дом. Родные стены, родные люди. Где же Пенни? Наверное, уже давно играет во дворе, дожидаясь старшей сестры.

– Поднимись наверх, – сказала мама, не оборачиваясь к Юнис. Ее голос вдруг показался девушке совсем чужим. Видимо, она еще не отошла ото сна.

Юнис послушно направилась к лестнице. Ксандера уже не было. Куда он ушел так быстро? Девушка внимательно огляделась вокруг, боясь, что брат ей только померещился. Наверное, он ушел работать на ферме. Как обычно, Ксандер весь в делах, куда-то спешит. Девушка решила не думать о плохом и стала спокойно подниматься наверх, как и просила мама. Наверх... Но зачем? Почему-то эта просьба не показалась Юнис странной в самом начале. Медленно поднима-

ьясь по скрипучим ступеням, она раздумывала над тем, что ей делать наверху?

Долго, невероятно долго длилось это путешествие на второй этаж. Лестница будто стала в сто раз длинней обычного. Бесконечные ступени, ускользящие из-под ног. Да что это такое? Юнис пытается прийти в себя после жуткого кошмара, но сознание будто отказывается ее слушать. Ничего, скоро все пройдет и вернется в норму. Надо же, этот сон казался совсем реальным... Девушка вдруг вспомнила военных, мертвое лицо брата, странного мужчину со стаканом в руке, сына канцлера... и эти чувства, которые пронизывали ее все это время. Она так явно ощущала тоску, горечь потери, страх. Это все было так правдоподобно.

– Это был просто сон...

Теперь ей совсем стало не по себе. Девушка встряхнула головой, пытаясь вернуться в реальность. Этот голос... Юнис подняла глаза, из которых рекой хлынули бы слезы, если бы могли. Но девушка не могла проявить никакие эмоции. Это сознание играет с ней такую злую шутку?

– Это был сон...

Снова. Он говорит с ней. Он реальный, он настоящий!

– Папа! – собравшись с силами, выкрикнула Юнис, но собственный голос показался ей слишком тихим. Девушка бросилась быстрее бежать по ступеням. Ну где же он? Когда лестница закончится? – Папа!!! – громче кричит девушка, но сама не слышит своего голоса. Как же так? Где ты? Твой

голос звучал так близко... совсем рядом! Вот бы к нему хотя бы прикоснуться, вот бы увидеть родные черты его лица. Девушка уже не чувствовала себя, под ногами словно уже давно не было ступеней, но она все равно не могла достичь цели. Как будто кто-то держит и тянет ее вниз. Что это может быть?

Юнис обернулась и посмотрела под ноги, в ужасе раскрыв глаза – внизу пылало пламя! Повсюду был огонь, в который она уже стремительно падала...

Глава 4. Выжившие

Голову пронзала острая ядовитая боль. Все доносившиеся до слуха звуки превращались в звон металла, словно кто-то стучал в гонг над самым ухом. Все тело будто окаменело. Попытался подняться – безуспешно, сил совсем не было. В глазах рябило от головокружения...

– Все хорошо, не вставайте, – донесся откуда-то женский голос, мягкий и шелестящий. – Доложите канцлеру, что его сын очнулся!

Филипп распахнул глаза. В память вернулось все, что произошло с ним перед долгим и странным сном. Он выжил.

– Сколько я спал? – спросил он у женщины, которая караулила его у кушетки. Ее образ все еще немного расплывался.

– Одиннадцать дней, – воодушевленно ответила она ему. – Ты молодец. Твоя кровь приняла сыворотку. Отдохни еще денек, а потом за работу. Ты пятый из тех, кто очнулся.

Ее слова одновременно успокаивали юношу и заставляли волноваться. Из ста девяноста четырех человек он пятый... Пятый! Прошло уже одиннадцать дней! Невероятно...

– Еще один очнулся! – закричал кто-то в лаборатории.

Филипп невольно поднял голову.

– Тебе еще рано вставать, – остановила его женщина. – Полежи в спокойствии часок-другой. Ты столько дней проспал, дай организму прийти в норму.

Ее голос звучал убедительно, и юноша решил последовать ее совету, ведь он и правда чувствовал себя обессиленным. Филипп лег обратно, повернув голову набок. Взгляд привлекли руки медсестры, которыми она стала поправлять его постель. Светлая и нежная на вид кожа, чуть заметные пушистые волоски на ней, маленькие морщинки, трещинки, небольшая царапинка, пальцы средней длины, немного пухлые, а костяшки острые. Эта женщина, судя по всему, трудолюбива, заботлива и добра. Поэтому Филипп выжил. Эти руки были похожи на мамины...

– Как ты себя чувствуешь? – спросила медсестра, немного улыбнувшись своими синими глазами.

– Я еще не понял, – устало ответил Филипп. Странно, но даже такая короткая фраза далась ему не без труда.

– Ну, судя по твоим показателям, ты еще слегка взволнован, – женщина взглянула куда-то выше его головы. – Это нормально. Вы все почему-то волнуетесь...

Юноша с недоумением взглянул на медсестру.

– Шутка, – улыбнулась та и принялась что-то записывать в своем электронном планшете.

– Саша, – тихо позвал женщину Филипп, прочитав ее имя на бейдже, – что во мне изменилось?

Ему было важно узнать, что именно сделала с ним сыворотка, и какие новые качества привил ему тот компонент, который отныне течет по его жилам.

– Не терпится узнать о своих новых способностях? – улыбнулась Саша. – Поверь, тебе понравится.

Филипп перевел взгляд на тумбочку рядом с кроватью. Там стояли различные сосуды с препаратами. Видимо, ими кормили его с помощью капельницы. В стеклах этих баночек юноша попытался разглядеть себя, но увидел только размытое пятно. Интересно, отразились ли изменения в организме на его внешнем виде? Может, у него вырос третий глаз или волосы позеленели?

Его размышления прервал звук бьющегося стекла и пронзительные стоны. Два человека в халатах пробежали дальше по коридору мимо прозрачных стен палаты, в которой находился Филипп. Он приподнял голову и наострил уши, пытаясь выяснить, что там произошло.

Саша тяжело вздохнула, взглянув на пробегающих коллег, а затем на юношу.

– Ей совсем плохо, – с грустью произнесла она, вернувшись к своим делам. – Двое из тех, кому ввели новую сыворотку, уже скончались, не прожив и трех дней. Эта девочка

еще мучается. Постоянный жар, приступы... Врачи говорят, долго не протянет.

Филипп закрыл глаза, представив, что он тоже мог умереть. Одиннадцать дней он балансировал между жизнью и смертью. Как же получилось, что ему повезло? Неужели он еще нужен здесь? Или он должен погибнуть иначе, сражаясь за выживание за стеной?

Всего пятеро пришли в себя за целых одиннадцать дней. Это не выходило из головы.

– Сколько уже погибли? – спросил Филипп, не открывая глаза.

– Двадцать три, – сухо ответила Саша с еле заметной дрожью в голосе. – Около тридцати на грани.

Как же так... Двадцать три и еще шесть – получается, двадцать девять невинных жертв. Их семьи в короткий срок лишились своих близких, нормально не попрощавшись с ними, не имея возможности проводить их в последний путь. Они даже не могут знать, что их больше нет в живых. Раньше Филипп не задумывался об этом, пока все проходило мимо него. Он постоянно слышал о призывниках, об их отправке за стену, об их скоростижной разлуке с семьями. Но это не трогало его. Да, они отдавали долг государству, умирали во имя науки и все в этом роде, но сына канцлера это никогда не касалось. И вот теперь он сам оказался здесь. Неужели отец желал ему смерти?

Филипп почувствовал, как вместе с силами к нему воз-

вращается прежняя злость и обида. Он выжил, чтобы отомстить, не иначе. Он имеет право на расплату. В эту минуту Филипп пообещал себе, во что бы то ни стало вернуться домой и совершить свою вендетту. Отец заслуживает наказания. Он будет падать так же низко, насколько низко он опустил своего сына. Бросил погибать. Отправил на расправу. Предал...

– Филипп, вы плачете? – взволнованно спросила Саша, приблизившись к юноше.

Он распахнул глаза, увидев перед собой лицо этой женщины. Свободной от капельницы рукой он дотронулся до своего лица. Глаза действительно были мокрыми. Но Филипп не чувствовал слез, не понимал, что плачет.

– Я... не знаю, как это... – с недоумением ответил он, испытывая стыд.

– Наверное, один из побочных эффектов, – сообразила Саша, понимающе улыбнувшись.

Вдалеке снова послышался грохот и стоны. Неужели эту девушку так часто мучают приступы? Филипп интуитивно дернулся в ту сторону, но женщина придержала его рукой.

– Все нормально. Это не твоя забота, – спокойно произнесла Саша и, собрав пустые сосуды, ушла прочь.

Филипп подумал о той, чьи стоны разрывали стоящую вокруг тишину. Он даже не мог решить, желает ли он этой девушке скорейшей смерти, чтобы она перестала страдать, или больше сил, чтобы она прошла через все муки и сумела вы-

жить...

Ее крик разбудил Филиппа, когда он немного задремал, слушая рассказ Саши о том, как ее сын любит играть в футбол, как он усердно тренируется, чтобы попасть в школьную команду и как ему сложно решать задачки по математике... Юноша вскочил с места. Рядом никого не было. Видимо, Саша снова ненадолго отлучилась. Может, сейчас глубокая ночь? Понять это было сложно. Окон нет. Сплошные белые палаты. Интересно, как долго он еще тут пролежал?

Крики стихли.

Филипп приподнялся и сел в постели. Голова не кружится, уже хорошо. Юноша понял, что его состояние уже приходит в норму. Он чувствовал себя как обычно, не было той усталости, боли или других неприятных ощущений. Свободной от капельницы рукой юноша потрогал свое лицо – оно гладкое. Неужели, Саша сбривала его щетину, пока он спал?

Филипп осторожно встал с кровати, заметив, что его старую одежду заменили на больничную синюю пижаму из тонкого хлопка. Он взял с собой капельницу и медленно выкатил ее в коридор между палатами. В этом проходе не было ни души. Оглядев пространство вокруг, юноша стал медленно шагать в самый конец коридора, откуда ранее доносились пронзительные крики и прочий шум. Главное, чтобы Саша не вернулась и не заметила, что его нет на месте. На ходу юноша не забывал заглядывать в прозрачные стекла других

палат. Там были люди в белых халатах, которые так же, как Саша, выполняли свою работу, присматривая за спящими. Но некоторые палаты были совершенно пустыми, и о том, выжил хозяин той или иной опустевшей постели или умер, Филипп мог только догадываться...

В голову Филиппа пришла мысль, что, наверное, он смешно и жалостливо смотрится со стороны в этой пижаме и с капельницей, которую он катил за собой. Он слишком похож на немощного больного, который пытается сбежать из больницы, потому что знает свой неутешительный диагноз. Усмехнувшись над своими бредовыми фантазиями, парень не заметил, что его обогнала какая-то девушка.

Как ни странно, на ней была обычная одежда, а не белый халат или пижама, как у призывников. Неужели одна из выживших?

– Эй! – небрежно окликнул незнакомку Филипп, боясь, что она ему мерещится.

Девушка обернулась.

У нее были светлые прямые волосы, которые чуть прикрывали шею, ясные голубые глаза и чуть вздернутый, совсем детский носик, который поморщился, когда девушка довольно улыбнулась. Она словно ждала, пока парень ее позовет. Незнакомка обрадовалась и весело подскочила к Филиппу, спрятав свои руки за спину.

– Я тебя знаю! – задорно заявила девушка, улыбнувшись юноше. – Ты "тринадцатый"!

Она рассмеялась, словно была в восхищении от своей шутки. Филипп застыл в недоумении. Странно, что кто-то увидел в нем не сына канцлера, а просто парня под номером тринадцать среди призывников. Видимо, девушка не один раз проходила мимо его палаты.

– Откуда ты? Как ты сюда попала? – напрямую спросил Филипп. Он хотел получить ответы на свои вопросы. Если в это место может пробраться кто угодно, то происходящее все больше похоже на сон. Уж с безопасностью в Кастрисе всегда все было в порядке.

Девушка лишь удивленно подняла брови. Видимо, вопрос ей показался неуместным и странным.

– Я одна из выживших, как и ты, – ответила она, разглядывая лицо парня. – Меня зовут Кэрри.

– Я Филипп, – небрежно произнес парень, посчитав, что ему следует представиться.

– Серьезно думаешь, что я не знаю твоего имени? – улыбнулась Кэрри, покачав головой и слегка сжав губы. Скорее всего, она была умнее, чем хотела казаться, но манера общения ей была присуща какая-то детская.

– Рада, что ты очнулся. Я не сомневалась, что так и будет, – сказала девушка, наконец, достав руки из-за спины. Она что-то сжимала в кулаке. – Ты гуляешь?

Филипп опустил взгляд на свою пижаму и босые ноги.

– Типа того, – пожал он плечами, сам не понимая, что здесь делает.

– Хорошая идея, – улыбнулась Кэрри, снова поморщив нос. – Ну, ты тогда гуляй, а я пойду...

– Что ты собираешься сделать? – с опаской спросил юноша, покрепче сжав в руке капельницу и взглянув на сжатый кулак девушки. Филиппу все еще было неясно, как ее так просто сюда пропустили, и поэтому он испытывал некоторое недоверие к ней. А Кэрри лишь улыбнулась и раскрыла ладонь, показав то, что было у нее в руке.

Браслет, сплетенный из нитей разного цвета: красного, желтого, фиолетового, – все они соединялись посредством узелков. Вероятно, Кэрри сделала его своими руками.

– И что это? – теперь уже спокойно спросил Филипп, рассматривая украшение.

– Это оберег, – произнесла Кэрри, и ее голубые глаза немного погрузтели. – Для девяносто девятой. Он должен отпугнуть ее кошмары.

– Ты знаешь ее?

– Нет, – девушка пожала плечами. – Но мы теперь все заодно, так ведь?

Филипп кивнул в знак согласия, улыбнувшись одним уголком рта. Заодно. Хотелось бы верить, что она права.

Кэрри небрежно махнула рукой в знак прощания и поспешила в конец коридора, где, видимо, и находилась нужная палата. Сколько же доброты в этой девушке. Наверное, она единственная, кого стоны той несчастной не раздражали и не пугали, а побуждали к сочувствию и заботе. Удивительно,

но Филипп даже не надеялся встретить здесь таких... милых людей. Ему почему-то казалось, что все призывники будут такими же мрачными и озлобленными, как и он сам. Но теперь Филипп надеялся, что Кэрри не одна такая, и вдруг подумал о Септимии, том парне, с которым он познакомился в поезде. Он тоже был добр. Будет радостно узнать, что он выжил. А если нет...

Юноша так и стоял посреди коридора, думая о том, что нужно привыкать к тому, что люди вокруг умирают.

Следующие дни побежали один за одним так же незаметно, как сон после инъекции. Присоединившись к остальным выжившим, Филипп понял, что все только начинается. Направление его жизни резко сменило русло, но он все еще оставался собой и не собирался становиться слабым звеном из-за своей ненависти к отцу. Сыворотка не отняла его жизнь, а добавила новых сил, чтобы бороться дальше и гнуть свою линию. Отец должен это увидеть и пожалеть о своем решении.

После «посвящения», как называют инъекцию в Кастрисе, простых призывников, чьи жизни не стоили и гроша, стали называть абсолютами. Теперь они стали теми, кого уважают и ценят. Они превратились в дорогостоящий материал в руках правительства. Как сказал Фридман, абсолюты – это бесформенные алмазы, которые здесь примут свою огранку. Что же, с этим Филипп спорить не собирался. Новая оболоч-

ка была ему просто необходима.

Возвращаясь к минуте, когда Филиппу, наконец, разрешили покинуть лабораторию и вернуться к остальным выжившим, он невольно вспоминал миг, когда вошел в свою новую комнату и увидел знакомый силуэт. Освещенный искусственным блеклым светом посреди четырех серых стен на дальней койке сидел парень, склонившись над какой-то книгой. Взглянув на его сильные смуглые руки, Филипп тут же подумал про Тавена, решив, что тот каким-то образом проник в Кастрис. Он так обрадовался старому другу, что чуть было не кинулся к нему в объятия, как вдруг застыл, осознав, что ошибся, когда к нему повернулось совершенно чужое лицо.

– Хах! Привет, новичок, – добродушно оскалившись, небрежно произнес парень, затем встал и подошел к Филиппу, протянув ему руку.

Нет, это был совсем не Тавен. Но отчего-то этот оскал показался довольно знакомым. Словно дежавю.

– Я Раджи, – сказал смуглый парень, и тут Филиппу ясно вспомнилась их первая встреча. Он видел этого парня у поезда. На его плече был наколот ворон. Значит, эта улыбка вовсе не являлась злобным оскалом. Сейчас он улыббался точно так же.

– Я Филипп, – ответил юноша, внимательно вглядываясь в лицо собеседника и пытаясь угадать его мысли. Теперь предстоит к каждому присматриваться более, чем внимательно,

чтобы среди толпы призывников найти достойных союзников.

– Рад, что ты с нами, – без тени притворства признался Раджи и уселся обратно на свою койку, взяв в руки книгу. На обложке было написано: "М. Горький "На дне".

– Почему рад? – поинтересовался Филипп, сев напротив. Кажется, эта кровать была никем не занята.

– Ну, посуди сам, – непринужденно произнес Раджи, укладываясь на спину поудобнее. – Сын канцлера, получивший военное образование и всю жизнь наблюдавший за ведением политических дел ближе, чем кто-либо из нас, плюс ко всему, оскорбленный и обозленный... Да, пожалуй, с тобой у нас больше шансов выжить.

– Это так заметно? – смутившись, спросил Филипп. – На счет обозленного?

– Нет, – успокоил его Раджи, хитро улыбнувшись.

– Ты поймал меня, – с досадой усмехнулся парень, признав свое поражение. – Повелся на провокацию.

– Извини, – лицо другого расплылось в довольной гримасе. – Не переживай, я умею хранить секреты. И... я тебя понимаю. Неприятно, когда от тебя отказываются.

– Что ж, – Филипп наклонился, сложив руки в замок, – для своих лет ты кажешься слишком опытным. Кто ты такой?

Раджи не был тем, кем казался на первый взгляд. Филипп узнал его, даже больше – он его понял. Возможно, он не про-

сто так спутал его с Тавеном. Между ними действительно было что-то общее. По крайней мере, рядом с обоими Филипп чувствовал себя на своем месте. Однако судьба Раджи оказалось гораздо мрачнее. Он рассказывал о себе не сразу, постепенно, осторожно нащупывая нужный уровень доверия к новому знакомому. И Филипп любил его слушать. Он прислушивался к нему. Так было и тогда, и теперь, когда их нити сплелись намного крепче.

К концу второй недели абсолюты стали просыпаться все чаще. Таким же памятным моментом, как знакомство с Раджи, стала новая встреча с Септимием.

В тот момент закончилась утренняя тренировка, и абсолюты находились в столовой за завтраком. Филипп тогда сидел за столиком в привычной компании Кэрри и Раджи, которые за несколько дней стали его верными союзниками. Впрочем, выбирать друзей среди абсолютов было куда сложнее, чем просто фанатов. Многие призывники слепо поклонялись сыну канцлера, некоторые, напротив, тихо ненавидели. Однако и Раджи, и милая Кэрри оставались именно теми людьми, которые забывали о фамилии Марчелл, когда общались с Филиппом. Они были честны с ним, за это он уважал их и старался держаться поближе.

Среди выживших, несомненно, оставались те, кого вообще не интересовала персона наследника. Например, среди абсолютов Филипп заметил двух сдружившихся парней,

которых невольно мысленно стал называть «странной парочкой». Один был юноша в очках, Юрий, которого он встретил у поезда вместе с Раджи, а другой – парень азиатской наружности по имени Макото. Первый был повернут на работе с техникой, постоянно копался в каких-нибудь приборах и часто разговаривал сам с собой, а его способность менять цвет кожи, как хамелеон, только добавила его образу той «чокнутости», которая была ему присуща. Юрий весьма забавно менялся в цвете: краснел, когда злился, зеленел, когда нервничал, а иногда даже белел, как снег, если в его голове происходил слишком сильный мозговой шторм. При этом он вечно поправлял очки на носу, даже если они не сползали. Впрочем, ни особой симпатии, ни антипатии у Филиппа он не вызывал.

Второй, Макото, не казался бы таким странным, если бы не ходил с вечно приподнятым настроением. Во время тренировок он мог вдруг начать двигаться в ритме музыки, которая якобы играла в его голове, либо просто начинал подвывать, напевая какую-нибудь песенку, или же просто обегал каждого, подбадривая придуманными на ходу кричалками. Это веселило абсолютов, когда не раздражало. Плюс ко всему у него было два странных пристрастия. Первое – он безумно любил комиксы и как только не торговался с военными, чтобы те притащили ему парочку журналов, и тогда он на несколько дней затихал, пока не прочитывал все от корки до корки по несколько раз. Второе – он был помешан на тра-

вах и специях. Не то что бы Филипп подозревал его в чем-то, но этот парень казался таким же безумным, как его друг, когда в его руки попадало что-то из специй. Например, если в столовой подавали еду, присыпанную какой-нибудь зеленью, он хватал ее, нюхал, рассматривал, пробовал языком, потом совершал с ней какие-то манипуляции, смешивая с другими приправами, и только потом приступал к пище. Да, пожалуй, они с Юрием стоили друг друга.

Также Филипп познакомился с девушкой по имени Ноэль. Поначалу она держалась особняком, только сверлила всех своим пронзительным взглядом, этими ледяными голубыми глазами, в которых будто тонуло все, что попадало в поле зрения. Филипп поглядывал на нее, пытаясь понять ее поведение, но та всегда пряталась от наблюдателей, прикрывая лицо длинными черными волосами. А потом, в какое-то утро она явилась на тренировку с абсолютно лысой головой. И с тех пор стала улыбаться и даже пыталась общаться с другими абсолютами. Однако ее поступок остался для Филиппа загадкой. Насколько ему удалось узнать, Ноэль устроила истерику перед введением сыворотки, расцарапала руки медсестры и опрокинула все приборы. Инъекция ее уладила, однако внутри девушки, по всей видимости, еще осталось немало взрывчатого вещества. Но, как ни странно, Ноэль теперь вела себя весьма покладисто, не конфликтовала ни с военными, ни с абсолютами. При встрече с Филиппом она всегда улыбалась, а в последнее время даже заводила разго-

воры, давая понять, считает его достойным лидером. Но он не спешил относить ее к кругу доверенных лиц.

К тому же у Ноэль был друг, который постоянно вертелся вокруг нее. Парень по имени Джерт. Взбалмошный и абсолютно бестактный, постоянно привлекающий к себе внимание посредством тупых шуток и всяческих замечаний, будь они уместны или нет. Плюс ко всему у него была скверная привычка давать всем прозвища. Особого внимания Филипп на Джерта не обращал, поскольку не считал его ни соперником, ни хорошим союзником. Но стоило отдать должное его физической подготовке, в которой он не уступал даже Раджи. Поэтому со счетов его списывать было нельзя.

Среди первых очнувшихся Филипп встретил еще девушку по имени Ати с такой же способностью, как и у него, поэтому они виделись на частных тренировках. Рядом с ней постоянно маячил рыжеволосый кудрявый парень Йохан, который проявлял способности в физике и потому тесно общался с Юрием. Позже в себя пришел крупный, даже очень полный парень по имени Август, вызвав немало удивления со стороны других и, конечно, столько же насмешек. Многие даже делали ставки, сможет ли он продержаться за стеной хотя бы день, другие – что не доживет и до отправки. Однако спустя какое-то время все поняли, что толстяк весьма дружелюбен и отзывчив, поэтому стали закрывать глаза на его внешность. Вдобавок к этому он жил в одной комнате с местным красавчиком Максвеллом, который не забывал подкалывать соседа

насчет его лишнего веса изо дня в день. Кто знает, может, это служило для Августа некоторой мотивацией.

Отчетливо Филипп помнил и пробуждение парня по имени Асманд, который в первый же день тренировок заявил себя как опытного бойца. После него появилась темнокожая девушка Рудо, попавшая в компанию Ноэль и Джерта. Затем пришел худощавый неуверенный в себе юноша по имени Ален, совсем юный парень Самир, девушка Верена, а затем абсолютов стало прибывать все больше и больше. К концу второй недели Филипп не успевал запоминать даже имена новопришедших. Выживших насчитывалось уже больше восьмидесяти.

И вот однажды, когда Филипп вместе с Кэрри и Раджи сидел за завтраком, в проеме двери вдруг появилось знакомое лицо и светлые длинные волосы. Голубые спокойные глаза медленно плавали взглядом по столовой, рассматривая своих новых товарищей. Филипп не сразу поверил, что перед ним действительно он, его первый друг на этом пути, тот самый добродушный парень из поезда. Септимий не то что бы стал ему настолько близок всего лишь за сутки, которые они провели вместе еще до инъекции, но его отсутствие, как ни странно, было весьма ощутимо, словно у руки не хватало одного пальца. А теперь, увидев его лицо, Филипп вдруг почувствовал себя полноценным. Будто картина получила свое логичное завершение, пазл сложился, стакан наполнился.

Ощувив невероятный прилив радости, Филипп широко

улыбнулся, махнув Септимию рукой. Тот, обрадовавшись старому знакомому, сразу же поспешил к их столику. Но знаменательной была не сама встреча Септимия и Филиппа, хотя все вышесказанное вело именно к этому. Филипп запомнил тот момент, когда, проследив за его радостным взглядом, обернулась Кэрри. Девушка повернула к Септимию свое лицо, и тот вдруг застыл как вкопанный посреди столовой. Тогда это казалось таким странным и даже глупым, но позже Филипп, узнав тайну сия оцепенения, стал относиться к этому воспоминанию более трепетно.

Так встретились Септимий и Кэрри. До отправки оставался месяц.

Глава 5. Быть абсолютom

Жарко...

Очень жарко.

Все тело горело, потому что вокруг пылало пламя. Огонь окутал в лесу все деревья, по которому она бежала, не зная, куда, но с диким желанием выбраться отсюда. Чей-то голос постоянно звал ее по имени. Он раздавался где-то впереди. Кто же это?

Юнис обернулась и увидела, как позади все пожирает пламя. Его языки тянулись прямо к ней, обжигая кожу, словно удар хлыста. В ужасе девушка наблюдала, как тлеют ее волосы. Все происходящее было безумием. Юнис не понимала, как она оказалась в этом лесу, а впереди вновь раздавался

чей-то голос. Из последних сил оттолкнувшись от земли, девушка ускорила бег, хотя все это время ей казалось, что она стоит на месте.

Вдруг что-то схватило ее сзади, и, не успев оглянуться, Юнис с грохотом упала на землю ничком. Ей не хватало сил даже встать. Она беспомощно двигала ладонью по земле. Трава... такая мягкая и шелковистая, словно огонь пожалел ее. Закрыв глаза, Юнис сжала пальцами зеленые стебельки, готовясь к тому, что сейчас просто сторит...

– Вставай! – громом раздался чей-то зов.

Девушка распахнула глаза и устало перевалилась на спину. Небо. Такое чистое голубое небо. Без единого облачка. Она уже в раю?

– Вставай! – вторил голос.

На этот раз Юнис испуганно вскочила и посмотрела по сторонам – никого. Никого и ничего. Куда делся горящий лес? Вокруг лишь пустота и отдаленный плеск воды... Юнис только моргнула и вдруг поняла, что находится у озера, ее с братом озера. Именно здесь два года назад она пыталась спасти женщину...

– Сюда, за мной, – знакомый голос заставил девушку обернуться. Она не могла больше верить своим глазам. Перед ней стояла миссис Браун, мама Люси. Почему она здесь? На глазах девушки выступили слезы. Они были такими горячими, что Юнис сразу же попыталась быстрее их вытереть.

Оказавшись совсем близко, миссис Браун спокойно про-

тянула девушке руку. Юнис, удивляясь своей покорности, сделала шаг...

Но ведь эта женщина мертва. Куда она может ее привести?
– Оставь ее!

Юнис обернулась на совершенно незнакомый голос и увидела чей-то силуэт. Неизвестная сила притягивала ее к этому человеку. Девушка вырвалась из рук женщины и поспешила к незнакомцу. Его лица не было видно, но он казался кем-то очень близким.

– Кто ты?

Юнис с трудом задала вопрос, потому что ее голос дрожал от волнения. Несколько секунд незнакомец не оборачивался, продолжая идти вперед. Девушка терпеливо следовала за ним. Странно, но на ее душе становилось спокойней с каждым шагом. Неважно, куда он ее ведет, ведь внутреннее чувство подсказывает, что его не стоит бояться. Он свой.

Человек остановился и обернулся к Юнис. Черты его лица все равно нельзя было разобрать, будто глаза девушки заволокла пелена. Она хотела повторить вопрос, но, кажется, незнакомец его не забыл, а просто проигнорировал.

– Посмотри.

Человек откуда-то достал маленькое зеркало в деревянной раме и протянул его девушке. Ее сердце замерло от волнения. С ней что-то не так?! Она осторожно взяла зеркало и стала медленно подносить его к своему лицу. Затаив дыхание, она развернула его к себе.

Ничего.

В зеркале пусто. Разве такое возможно? Что за шутка?!

– Смотри, – спокойно произнес незнакомец, наблюдающий со стороны.

Юнис крепко держала зеркало перед собой, пытаюсь что-то в нем рассмотреть. Через несколько секунд в отражении промелькнула яркая вспышка. Девушка испуганно обернулась. Все спокойно.

– Смотри еще, – снова раздался голос незнакомца.

Юнис вновь приковала взгляд к зеркалу и вдруг увидела в нем нечто странное – вдалеке в отражении летел дракон. Прямо на нее. Юнис снова оглянулась – позади никого нет. Видимо, это не зеркало, а какая-то вещица фокусника. Картинка внутри всего лишь обман.

Дракон тем временем приближался. Его медленно раскрывалась, и внутри нее уже был виден яркий огонь. Забавно, но все это так реалистично.

– Я должна испугаться? – улыбнувшись, спросила Юнис у незнакомца, но рядом никого не оказалось.

Девушка снова обратила взгляд к зеркалу – это существо уже слишком близко. Дракон разевает свою пасть, и его пламя вырывается наружу...

– Держите ее! – закричал незнакомый голос.

Вокруг откуда-то взялись люди в белых халатах.

От постоянной смены действительности голова закружи-

лась. Словно какой-то дурман бросает ее из одной реальности в другую. Тело наполняет необъяснимый прилив сил. Что-то заставляет бороться. Но с чем? С кем?

Юнис в панике пыталась встать, но ее вновь и вновь приковывали к постели, что-то выкрикивая ей прямо в лицо, но она не слышала. Бешеный стук сердца в висках заглушил эти голоса. Хотелось сбежать отсюда. Хотелось просто бежать. Хоть куда-нибудь...

– Успокойся, перестань брыкаться! – прозвучавший голос показался девушке знакомым. – Все хорошо! Все хо-ро-шо!

Юнис старалась что-то разглядеть, но из-за головокружения в глазах темнело. Этот голос заставил ее немного успокоиться. Она вернулась в прежнее положение, пытаясь справиться с мыслями. Из-за паники, которая полностью ею завладела, девушка не могла ничего сообразить.

– Юнис, это я, доктор Льюис. Ты меня помнишь? – спросил какой-то мужчина, прижимая ее руки к кушетке. – У нее сильный жар!

Зрение стало восстанавливаться, и Юнис смогла разглядеть лицо этого человека. Узкая голова, выпирающие скулы, тонкий нос, светлые волосы, убранные в короткий хвост сзади, а сквозь стекла прямоугольных очков смотрят два голубых добрых глаза, которым хочется доверять. Где-то она их уже видела...

– Не-е-ет! – девушка закричала и села в кровати, закрыв лицо руками. В ее памяти вдруг возникли страшные карти-

ны. Впившись пальцами в свое лицо, она пыталась избавиться от них, не желая признавать, что это ее настоящие воспоминания.

– Юнис, все хорошо, – повторил доктор Льюис и обхватил ее плечи своими руками. – Ты выжила, слышишь? Посмотри на меня.

Девушка звучно выдохнула и убрала руки с лица. Ей нужна помощь, иначе эти мысли сведут с ума. Еще и жарко так сильно. Юнис чувствовала, как со лба стекает пот.

– Все хорошо, – в который раз повторил Льюис.

– Джаред, посмотри на ее руки, – произнесла светловолосая женщина, стоящая позади доктора.

Льюис взглянул на руки девушки, которая тоже испуганно их осматривала.

– Что со мной? – тяжело дыша, спросила Юнис. Ее ладони стали багрового цвета, словно их окунули в кровь. Боли не было, однако из кожи рук вырывался пар. Девушка не знала, что происходит и могла с точностью сказать, что никто из окружающих тоже не понимал, что с этим делать.

– Да пустите меня уже!

Из коридора послышался грубый мужской голос, и через мгновение в палате появился Говард. Юнис сразу его узнала, и почему-то была рада его видеть. Ей казалось, что именно он должен знать, что тут творится. Мужчина отдышался и оглядел всех вокруг, а затем взглянул на девушку, которая испуганно держала свои дымящиеся руки ладонями вверх.

Их взгляды встретились, и Юнис вдруг стало не по себе. В глазах Говарда читалось недоумение – он тоже ничего не понимал. Однако думать об этом сил уже не было – в этот миг стало нестерпимо жарко, и девушка почувствовала, что ей трудно дышать.

– Воды... – только успела выдохнуть Юнис, как все вокруг погрузилось во тьму.

Густые волосы чуть прикрывали шею. Короче стричь уже не стоит. Филиппу не хотелось, чтобы все видели эти ужасные изменения на коже когда-то самого привлекательного в Столице парня. Взглянув на свое отражение, он искривил губы в попытке улыбнуться. Нет, лучше этого не делать...

Филипп снова надел на себя маску сдержанного и внимательного принца и вышел из комнаты. Пора на тренировку.

Призывники просыпались все реже. Можно сказать, те, кто мог, давно пришли в себя. Остальные уснули навсегда, и их тела бесследно исчезли из лаборатории, где когда-то все призывники получили инъекцию. Там продолжала бороться лишь одна девушка, Юнис Харрисон. О ней помнили из-за того инцидента с Фридманом, и многие считали ее виноватой в смерти тех шестерых расстрелянных. Поэтому Филипп пожелал бы ей не просыпаться. Вспоминая ее испуганное лицо в актовом зале, он понимал она вряд ли выдержит такое психологическое давление. До отправки неделя, никто не испытывает к тебе симпатии, а, значит, за стеной твои шансы

выжить практически сводятся к нулю.

Восемьдесят пять человек – вот те, кто теперь могут бороться за свою жизнь. Которую неделю их уже готовят к выживанию, как настоящих бойцов, называя абсолютами, то есть, совершенными, единственными в своем роде. Кастрійцы стали по-другому смотреть на бывших призывников. С момента пробуждения после инъекции их считали сильнейшими из людей, и кто-то из солдат и вовсе их побаивался. Ведь абсолюты отныне обладали необычными способностями, хоть и управлять ими было довольно непросто...

За кратчайший срок в Кастрисе пытались сделать из обычных людей машины для убийств. До отправки остаются считанные дни, а многие из абсолютов все еще не могут попасть в цель на расстоянии десяти шагов, большинство ничемны в рукопашном бою, а у кого-то даже боязнь крови. О какой армии бойцов может идти речь? Если бы не новые способности, которые дают абсолютам хоть какие-то шансы на выживание, Филипп давно бы уже отчаялся. А пока ему приходилось приглядываться к каждому из призывников в поисках сильнейших соратников.

Непринужденной походкой парень медленно шагал по коридору с множеством дверей, над которыми виднелись таблички с обозначением способностей. Рядом висели экраны, на которых транслировалось происходящее внутри комнаты. Так Фридману было удобно наблюдать за всеми со стороны, не имея прямого контакта с призывниками.

Филипп шел вперед.

№ 12, «Лекари»: 2 абсолюта. Проходя мимо, Филипп увидел, как Септимий и Ален заживляют раны на подопытных. Обычным прикосновением своей руки. От неминуемой гибели лекари не могут кого-то спасти, но помочь при открытых ранах или кровотечении запросто. Это один из самых полезных даров. К сожалению, лекарей среди абсолютов всего двое. И почему-то Септимий был совсем не рад своим новым способностям, хоть и тщательно скрывал свои чувства.

№ 11, «Астралы»: 3 абсолюта. Макото и еще два парня сидели неподвижно, закрыв глаза. Можно было подумать, что они отдыхают, но на деле эти ребята в данный момент путешествовали по Кастрису, покинув свои материальные оболочки. Филипп надеялся, что сейчас кто-то из них, в особенности, Макото, не тычет невидимыми пальцами ему в лицо, смеясь при этом беззвучным смехом. И хоть в астральном состоянии абсолюты могли уходить лишь на небольшие расстояния, навык этот будет весьма полезен за стеной. Это отличная невидимая система безопасности.

№ 10, «Элементали»: 3 абсолюта. Раджи, еще один парень Димитр и девушка, чье имя Филипп не помнил, сидели каждый за своим столом и поочередно прикасались к предметам из разных материалов, и их кожа медленно обретала ту же оболочку. Когда рука Раджи прикасалась к металлу, он мог легко разбить любой ящик, стекло или даже голову малума, когда это понадобится. В руках своего друга Филипп видел

потенциальное орудие убийства.

№ 9, «Абсорбенты»: 4 абсолюта. Среди них самым способным Филиппу казался Асманд. К нему по очереди подходили кастрийцы, он дотрагивался до их руки или головы, закрывал глаза, а затем рассказывал все, что произошло с ними за последние несколько часов. Только Асманд мог продвигаться в памяти других людей почти на сутки. Это делало его фаворитом среди других. И хоть способность у абсорбентов была довольно полезная, Филипп осознанно избегал любых физических контактов с ними...

№ 8, «Нюхачи»: 5 абсолютов. Пятеро человек стояли над разными пробирками и по очереди нюхали их, определяя, кому или чему принадлежат запахи, заключенные внутри. Невозможно было не заметить Августа, растолкавшего остальных своей большой тушей, но имеющего, однако, самый высокий рейтинг в своей комнате. Филипп наблюдал на экране, как Джерт то и дело теребит толстяка, прося помочь ему с тем или иным образцом, пока тренер не замечает.

№ 7, «Бегуны»: 5 абсолютов. Эти парни и девушки были выносливее и быстрее всех остальных. Их зал представлял круговую полосу с препятствиями. Сейчас в таблице рейтингов лидировал восемнадцатилетний смуглый парень Самир. Он неизменно показывал самые высокие результаты, и, несмотря на завистливые взгляды остальных, не спешил зазнаваться и вообще вел себя весьма тихо.

№ 6, «Локаторы»: 6 абсолютов. Эта комната была таких

же больших размеров, как и предыдущая. На площадку с закрытыми глазами выходил один из абсолютов, а позади него внутри лабиринта из стен различной толщины помещались разные животные и люди. С помощью слуха им предстояло "увидеть" существо или предмет и определить его местоположение. Сейчас на тренировку выходил Эрик.

Филипп двигался вперед все к более и более простым способностям, выживших с которыми было гораздо больше. А значит, умереть после такой микстуры было практически невозможно.

№ 5, «Хамелеоны»: 9 абсолютов. Здесь находился тот самый странный парень Юрий, меняющий цвет кожи. Вместе с другими абсолютами он тренировался маскироваться под вид, который принимал экран позади него. Полезная способность, чтобы выживать, не больше.

№ 4, «Статики»: 10 абсолютов. Первое место в рейтинге постоянно отвоевывали друг у друга Йохан и Ноэль. Им приходилось изо дня в день метать молнии в намеченные цели, «высасывать» электричество из одной техники и переносить ее в другую. Одним словом, по их жилам бежал ток. В бою весьма полезный навык.

№ 3, «Телекинетики»: 10 абсолютов. Они передвигали разные вещи и друг друга в пространстве с помощью силы мысли. В тот момент, когда Филипп проходил мимо, Максвелл веселился, подбрасывая к потолку Верену, которая явно была недовольна происходящим.

№ 2, «Рентгены»: 11 абсолютов. Среди них была Кэрри, которая сейчас проходила лабиринт с препятствиями с закрытыми глазами, и, благодаря рентгеновскому зрению, она заранее знала, что находится за той или иной стеной. Радиус действия этого дара был небольшой, однако заметить врага неподалеку было вполне легко. Поэтому эту способность Филипп считал весьма полезной.

И, наконец, № 1, «Амфибии»: 17 абсолютов. Сюда-то и направлялся юноша. Ему досталась самая примитивная способность из всех возможных. Нащупав едва заметные жабры за ухом, Филипп сокрушенно вздохнул и открыл дверь.

Огромный бассейн и множество дорожек.

– Опаздываешь, Марчелл! – прокричал тренер, предварительно дунув в свисток. – Десять штрафных кругов! Пошел!

Сохраняя спокойствие, Филипп молча прошел к своему шкафчику, сложил туда одежду и подошел к бассейну.

– Ати, живее! – орал тренер. – Шевели ногами!

Отбросив все мысли, юноша взобрался на тумбу, оттолкнулся и плавно вошел в воду вниз головой. Дыхания теперь хватало хоть на вечность. Можно было часами плавать по дну. Однако Филипп тренировал скорость, поэтому сразу принялся нарезать круги, проплывая от одного края бассейна до другого, пока сверху не раздался свисток.

– Обед! – оповестил всех тренер и вышел из зала.

Филипп вылез из воды и взглянул на часы на стене.

– Рановато сегодня, – задумчиво произнес он самому се-

бе.

– Наверное, это из-за девушки, которая очнулась, – раздался рядом голос Ати, русоволосой худощавой девушки, которая уже вытирала волосы сухим полотенцем. – Говорят, с ней что-то странное, всех тренеров вызывают на общее собрание.

– Она очнулась? – удивился Филипп.

– Два дня назад, – ответила девушка. – Сегодня вернется из лаборатории.

– Странно, что я ничего не слышал об этом.

– Иногда ты все знаешь наперед, – улыбнулась Ати, – а иногда забываешь всплывать на поверхность. Все об этом только и говорят.

Девушка покачала головой и направилась в раздевалку, оставив Филиппа в легкой задумчивости. Так вот что имел в виду Септимий, уходя с завтрака со словами: «Сегодня необычный день».

На тумбочке рядом с кроватью лежал новый костюм. Юнис сидела на своей постели, уже около получаса тупо глядя в пол. В любую секунду в дверь войдет Говард и скажет, что пора присоединиться к остальным абсолютам.

Все расписано по минутам.

Два дня Юнис провела в лаборатории под наблюдением врачей и ученых. Она просыпалась на больничной койке и слышала бормотание Говарда: «Что за наказание?», «За что

мне все это?» и все в таком духе. Все были в замешательстве от действия новой сыворотки. Вокруг царила суматоха, слышались бурные обсуждения...

А в комнате сейчас так пусто и тихо.

Ученые брали свои тесты снова и снова, пытаясь выяснить, какие способности дает тринадцатая микстура. Руки Юнис время от времени воспалялись и дымились сами по себе, но боли девушка совсем не ощущала. Температура ее тела была выше нормы, но дискомфорта не было. Юнис чувствовала себя обычно, но в то же время знала, что внутри нее что-то изменилось.

Еще две девушки-абсолюта жили здесь в этой комнате. Их вещи лежали на тумбочках. словно эта обитель стала их домом. Юнис встала и переделалась в новый костюм.

С того рокового дня прошло больше месяца. Наверное, мама уже похоронила ее. Как и Ксандера. Как назвать чувство, когда кажется, что все произошло только вчера, но вместе с тем, словно между настоящим и тем моментом пропасть длиною в вечность?

Наверное, это смирение.

Девушка улыбнулась себе в зеркале, но улыбка сразу исчезла. Это было слишком. Есть ли смысл притворяться и надевать на себя различные маски?

Юнис пригляделась к своему отражению – она никак не могла понять, что с ее глазами. Их цвет стал намного ярче, из темно-карего они вдруг превратились в золотисто-рыжие.

Это игра света или же новые силы дают о себе знать?

– Неплохо!

Юнис вздрогнула от неожиданности. Говард совсем незаметно вошел в дверь.

– Костюмчик хорошо сидит, – усмехнулся он.

– До отправки неделя, – с горечью в голосе произнесла девушка, вспоминая ворчания своего ментора из-за того, что ему поручили тренировать ее новые способности.

– Надо было просыпаться раньше, – буркнул Говард. Нет, не со зла он так говорил. Это был его своеобразный юмор. Юнис понимала его, но не смеялась.

– Вот, держи, – мужчина протянул девушке картонную коробку. – Надень эти перчатки. Льюис попотел со своим другом-ученым. Пальцы открыты, так что они удобные и огонь не пропускают ради безопасности.

Льюис постарался, как и обещал. Девушка надела перчатки и посмотрела на Говарда.

– Тебе придется постараться, чтобы не отставать от других, – произнес мужчина. – Насколько это возможно.

– Интересно, насколько? – нервно съязвила Юнис, собирая волосы в хвост на затылке. – Они-то уже всюю занимаются...

– Все зависит от тебя, – пожал плечами наставник, будто ему было все равно. – И мой тебе совет: заведи друзей...

– Боже мой...

– Не шучу, Харрисон, – сдвинул брови Говард. – Чем боль-

ше у тебя союзников, тем выше вероятность выжить за стеной. Включи мозги, наконец. Хватит руководствоваться эмоциями...

Девушка подняла пронзительный, полный недовольства взгляд на наставника.

– Господи, дай мне сил самому не сдохнуть с этой девчонкой! – подняв глаза к потолку, иронично взмолился мужчина. От него все так же пахло алкоголем...

Юнис приложила указательный палец к распознающему сенсору, он загорелся зеленым, и двери в зал раздвинулись перед ней. Оставалось только шагнуть вперед...

Огромная площадка, напоминающая футбольный стадион, которую освещало несколько ярких прожекторов. Вдалеке Юнис увидела несколько человек. Они были в таких же костюмах. Фабрика абсолютов.

– Эй, смотрите, это же Юнис Харрисон! – воодушевленно воскликнул один из парней, привлекая внимание остальных.

Девушка глубоко вздохнула и ускорила шаг. Теперь-то все и начнется.

Как можно увереннее Юнис сравнилась с остальными. Некоторые из них решили не обращать на новичка внимания, другие разглядывали издали, перешептываясь друг с другом. Несколько абсолютов приблизились к ней.

– Привет! Меня зовут Кэрри, – сразу заявила светловолосая девушка довольно милой наружности, протягивая но-

венькой руку. Она дружелюбно улыбалась, словно встретила давнюю подругу. – Все еще носишь мой оберег?

– Так это ты... – отвечая на рукопожатие, Юнис слегка растерялась, ошеломленная такой теплой встречей. – Меня зовут...

– Да мы уже знаем, – засмеялся парень, стоящий рядом. Он тоже пожал ей руку, назвавшись Юрием. Это был коротко стриженный блондин с зелеными глазами за круглыми очками и острым носом. Его внешность показалась странной – кожа была слегка зеленоватой...

– А я Макото, – улыбнулся другой юноша азиатской наружности. Его черные волосы были чуть длиннее и непослушно торчали в разные стороны. – У тебя случайно нет комиксов?

– Ма-а-ак! – взвыли его приятели.

– С возвращением, Веснушка! – послышался справа низкий мужской голос.

Юнис повернулась и увидела крепкого смуглого юношу с наполовину бритой головой.

– Я Раджи.

– Юнис, – кивнула в ответ девушка, нервно засунув руки в карманы.

Краем глаза она вдруг увидела лицо человека, который показался ей знакомым. В следующий миг они встретились взглядами, и девушка уже отчетливо знала, кто это, и сперва удивилась, но затем вспомнила про увеличение количе-

ства призывников. Буквально в нескольких метрах от Юнис стоял парень из Стеллаклива! Это Асманд, и он учился в ее школе, только был на два класса старше. Высокий парень с темными, как уголь, глазами и скверным характером, раньше он всегда носил на голове кепку, и теперь было непривычно видеть его русые короткие волосы. Когда они виделись в последний раз, Асманду было лет шестнадцать, и они сильно повздорили с Юнис в школе из-за какой-то мелочи, а затем последовала небольшая драка. Тогда девушка смогла ответить ему, но теперь вряд ли бы повторила успех. Асманд стал совсем другим – более мужественным и крепким на вид. Живя в одном городе, они смогли не видеться несколько лет. Интересно, изменился ли он и внутри?

– Что у тебя за способность? – спросил Юрий, прервав размышления девушки. – Говорят, тебе вкололи неизвестную сыворотку?

Юнис перевела свой взгляд обратно на новых знакомых. Все четверо терпеливо ждали от нее ответа, смотря такими заинтригованными взглядами, что она немного растерялась. Должно быть, они ждут от нее грандиозного рассказа. Вот только их ждет большое разочарование...

– Бойцы! – послышался мужской грубый голос сзади, и девушка испуганно обернулась. Перед ней стоял высокий мужчина с внушительным свистком на груди. Его голова была гладко выбрита, а над глазами красовались угловатые светлые брови. Он сурово сдвинул их, взглянув на Юнис.

– Новенькая! Встать в строй!

Юнис неуверенно обернулась, заметив, что все уже построились в ровную шеренгу, и поспешила встать в самом конце.

– Десять километров для разогрева! Вперед!

Не сказав ни слова против, все абсолюты побежали по дорожке, неторопливо и с совершенно спокойными лицами. Юнис засеменила позади всех с назойливой мыслью: «Какие десять километров? Я же не вынесу и пяти за раз!».

Однако, как ни странно, пробежав половину намеченного расстояния, Юнис все еще чувствовала себя бодро, хоть силы и стали понемногу покидать ее. Неужели абсолюты действительно такие выносливые?

– Меня зовут Август, – запыхавшись, выдавил на бегу больших габаритов парень, бегущий рядом с Юнис, которая к концу пробежки выдохлась и не чувствовала ног.

– При-вет, – еле выдохнула девушка, надеясь не потерять сознание хотя бы до окончания разминки.

– Ты еще не очухалась после сыворотки, это точно, – продолжал разговор тучный парень. – Вот увидишь, скоро ты придешь в форму. Абсолюты намного круче людей. Впереди бегуны – на них вообще не смотри, у них свой дар к бегу. Твоя цель – меня обогнать. Я-то привык быть последним.

– У меня... нет сил... на разговоры, – честно призналась девушка, чувствуя, что ее одежда уже мокрая насквозь, как

и волосы.

– Понимаю, – кивнул Август. – Ты не сдавайся. Меня ты уж точно обгонишь.

Его слова не очень-то ее ободрили. Но парень пытался, и за это Юнис была ему благодарна.

Лежа на своей кровати после всех тренировок и смотря в потолок, Юнис понимала, что она не только не чувствует ног, но и готова отказаться от них, лишь бы не подниматься завтра снова. Этот день оказался чуть ли не самым сложным испытанием в ее жизни: пробежка, бег с препятствиями, рукопашный бой, стрельба из огнестрельного оружия, тренировка с холодным оружием, и плюс ко всему бесполезная тренировка новой способности вместе со своим ментором. Говард ровным счетом ничего не знал о ее даре воспламенения, и это не мудрено, учитывая тот факт, что тринадцатую сыворотку использовали впервые.

В дверь вдруг вошла светловолосая девушка по имени Кэрри. Она взглянула на соседку.

– Вид у тебя не очень, – с сочувствием заметила она, сев на кровать напротив.

– Неужели? – съязвила Юнис. Сил на разговоры у нее не было. На дружелюбие – тем более.

– Ничего, это первый день. Ты еще не оправилась. Завтра уже будет проще, – улыбнулась Кэрри.

– Вам всем было так хреново вначале?

– Честно? – вздохнула блондинка. – В общем-то, тяжело было только Августу. Это такой...

– Я знаю, кто это, – разочарованно вздохнула Юнис, осознавая весь масштаб своей никчемности.

Не зная, что ответить, Кэрри лишь виновато улыбнулась и стала переодеваться из спортивного костюма в обычную одежду. На ее тумбочке Юнис увидела карандаши и бумагу.

– Ты рисуешь? – спросила она, почувствовав неровное биение сердца.

– Ой, ну, как сказать, – заговорила девушка откуда-то из глубины свитера, куда только что просунула голову. – Люблю рисовать различные геометрические фигуры, а затем раскрашивать их в разные цвета. Это такой способ успокоиться. Можешь попробовать тоже, бери в любое время.

– Спасибо, – произнесла Юнис, уже предвкушая, как ее пальцы водят карандашом по бумаге. Только рисование сейчас могло спасти ее от реальности.

– Если хочешь, я могу принести тебе ужин в комнату? – предложила Кэрри, собираясь выйти за дверь. На ней уже красовался ярко-красный свободный свитер и обычные джинсы. Волосы растрепались.

– Я не хочу есть...

– Все равно принесу, – бросила с улыбкой соседка и вышла из комнаты.

Глава 6. Неверный шаг

Стоя перед зеркалом спустя несколько дней после первой тренировки, Юнис понимала, что она довольно сильно изменилась. Под глазами появились такие мешки, что в них можно было хранить тонны овечьей шерсти или, например, риса. На левой щеке и на лбу красовались свежие царапины, на нижней челюсти несколько ссадин от ударов во время рукопашных боев, а верхняя губа и вовсе зашита. Шов небольшой, но все же напоминает о собственной неумелости. Все тренеры в один голос твердят, что Юнис слишком резко реагирует на выпады соперника, сама подставляется под удар, легко обманывается и поддается на провокации. Но никто не понимает причины такого поведения, а ведь она просто ужасно нервничает. Постоянно. Каждую минуту. Юнис то и дело представляет перед собой песочные часы, внутри которых время крупица за крупицей бежит вниз и уже почти истощилось.

Что поделать, если других ей на тренировках уже не догнать? Юнис пыталась стать хоть чуточку сильнее самой себя прежней, чтобы иметь хоть какой-то шанс на выживание. На тренировках она выкладывалась на полную, из кожи вон лезла, чтобы хоть один раз кого-то ударить, обогнать или просто не получить по лицу. Иной раз кое-кто даже поддавался, чтобы доставить новенькой удовольствие. Но такие поддачи только сильнее выводили ее из равновесия. Абсолюты не считали ее своей союзницей в полной мере этого слова. Конечно, за исключением нескольких персон. Например,

Кэрри.

Эта девушка стала за несколько дней для Юнис первым и самым близким другом. Она ввела ее в курс дела: показала, кто есть кто среди абсолютов, с какими ребятами можно найти общий язык, а каких опасаться, рассказала, про их новые способности, о том, что Фридман наблюдает только со стороны и никогда не появляется на людях, что призывников в этом году выжило гораздо больше, ведь и прибыли они в двойном количестве. На вопрос, почему так изменились правила и будут ли так же забирать людей в последующие годы, Кэрри ответить не могла, как и никто другой.

– Призывников забирали по двое? Выходит, Асманда увезли вместе с моим братом? – рассуждала Юнис за обедом, потирая ушибленное на тренировке плечо.

– Нет, я была в машине одна, – ответила Кэрри, покосившись на военных у двери. – И поэтому складывается впечатление, что мы не должны были знать о втором призывнике из города.

– Какой во всем этом смысл?

– Вероятно, такой, о котором мы никогда не узнаем, – надменным голосом произнес Филипп Марчелл, усаживаясь рядом с Кэрри. Они были друзьями, и потому Юнис приходилось терпеть его общество. – Наше дело усиленно тренироваться, а не задавать лишние вопросы.

Юноша явно указывал Юнис на ее ошибку в день приезда. Показательное всезнайство сына канцлера было иногда

слишком бестактным, но остальные будто не замечали этого. Кэрри и вовсе восхищалась умом и рассудительностью этого парня. Юнис была уверена, что он больше расчетлив и хитер, но, как считало большинство абсолютов, Филипп возглавит их отряд, когда они окажутся за стеной, поэтому всякий раз в ответ на колкое замечание Марчелла, она старалась молча соглашаться с ним, проглатывая свое возмущение.

Вскоре Юнис поняла, что ее подруга всех считает хорошими, потому что сама являлась слишком доброй и открытой. Она была готова любому подставить свое плечо, выслушать и поддержать, лишь бы среди абсолютов царили мир и гармония. Однажды она успокаивала их третью соседку Ати, когда той приснился сон, где ее мать не выдержала ее ухода и покончила с собой. Юнис в тот момент чувствовала, как внутри нее что-то горит в буквальном смысле. Этот сон был для нее явью, живым напоминанием о той ночи в лесу, когда миссис Браун...

Память о прошлом, о доме постепенно стала смешиваться с реальностью, насыщенной событиями. Новые лица, тренировки, эта странная необъяснимая способность – все это помогало отвлечься. Иногда Юнис казалось, что она забывает настоящую себя, своих близких и каждую ночь, когда мысли одолевали голову, корила себя за это. В ней боролось желание постоянно скорбеть о случившемся с желанием жить заново и становиться сильнее. И это сводило с ума.

Тренировки с ментором, Говардом Сарвантесом, не да-

вали особых результатов. Каждый день они собирались в специально отведенной комнате из невозгораемых стен и нескольких деревянных мишеней, которые Юнис предстояло научиться зажигать с помощью нового дара. Но вот уже прошло три дня, а единственное, что получалось у девушки, это заставлять свои ладони дымиться, а температуре тела подниматься до тех пор, пока не начиналось сильное головокружение, а один раз Юнис и вовсе потеряла сознание. Фридман требовал от Говарда результатов, а тот просто не знал, что ему делать. И тогда он взрывался, психовал, срывая всех собак на свою ученицу, или просто пил. И под воздействием алкоголя он становился куда спокойнее и веселее. И однажды, когда Юнис сидела у него в кабинете, ожидая, когда тот соизволит вернуться к тренировке, он заговорил с ней не как старый ворчливый ментор, а как настоящий наставник.

– Не думай, что я злюсь на тебя, – вдруг произнес он, стоя у окна своего кабинета и держа в руках почти пустой бокал виски. – Я на себя злюсь, а еще больше на Фридмана.

Девушка сидела в его кресле, интенсивно чиркая карандашом по бумаге, когда неожиданно до нее донеслись слова, непривычные для этого человека. Она перестала рисовать и прислушалась.

– Если ты научишься управлять своим даром, ты получишь огромный шанс выжить, сможешь защищать себя, других абсолютов, понимаешь? Ты не виновата, что оказалась в

таком положении. У тебя слишком мало времени на подготовку, а этот Фридман, сукин сын! – Говард швырнул бокал в стену, и тот разлетелся с глухим стеклянным звуком. – Ему насрать на вас всех! Лишь бы вы приносили пользу и исполняли его приказы, как послушные псы.

– Почему ты на него работаешь? – спросила Юнис, осознав резкие различия во взглядах своего наставника и Маркуса Фридмана. – Почему не уйдешь?

Все еще находясь спиной друг к другу, оба вдруг замолчали на продолжительное время. Юнис поняла, что задала не самый лучший вопрос. Возможно, Говард не хотел на него отвечать или просто не знал ответа.

Обрабатывая очередные раны Юнис, доктор то и дело вздыхал и покачивал головой.

– Ты самый частый мой посетитель, – заверял он явно не с радостным тоном. – Сколько можно позволять себя лупить? Скоро на тебе живого места не останется...

– Может, повезет, и я откинусь до отправки, – съязвила девушка, и Льюис сильнее ткнул в рассеченную бровь. – Ай!

– Жаль, что чувство юмора тебе не поможет за стеной, – произнес мужчина и со всего размаху вклеил ей пластырь, затем откатился на своем кресле и стал что-то записывать в медицинском журнале. На его столе стояло фото красивой темноволосой женщины с широкой улыбкой на лице. Юнис

в который раз подмывало спросить, кто это, но что-то останавливало. Наверное, ей не хотелось услышать, что с этим дорогим для Льюиса человеком что-то случилось. Ворошить старые раны – не самая лучшая плата доктору за его старания.

– Что-нибудь еще нарисовала? – спросил мужчина, закрывая журнал и обращая снова улыбающееся лицо к Юнис.

Та протянула ему свой альбом, подаренный Кэрри. На первом листе был портрет Ксандера, смоченный слезами, затем Пенни, мама, Гендальф рядом с овцами, улыбающаяся Кэрри... Доктор открыл последнюю страницу и удивленно вскинул брови.

– Не могу понять, кто это, – он пожал плечами. – Хотя рисунок как всегда бесподобен.

– Малум – вот кто, – пояснила Юнис и, встав с кушетки, подошла к доктору.

С портрета воображаемого в фантазиях девушки малума смотрели два округленных глаза, и во взгляде читалось безумие. Челюсть отвисла, и из нее вытекали ядовитые слюни, лицо все в шрамах, кожа покрыта волдырями, из одежды на нем только старые лохмотья, слегка прикрывающие наготу. Поза неестественна для обычного человека: сгорбившись, дикарь словно готовится к прыжку, но вместе с тем не контролирует свое тело – плечи слишком приподняты, руки изогнуты в разные стороны, а босые ноги чуть ли не выгибаются в обратную. Зрелище жуткое, но, если представлять

своего врага именно таким, то есть возможность не впасть в отчаяние и панику при первой встрече с ним.

– Вот, посмотри ему в глаза, – Юнис указала пальцем в нужную точку на рисунке. – В них нет мыслей. А, значит, он не человек.

– Интересно, – задумчиво протянул доктор. – Никогда не задумывался о том, как они выглядят.

– Серьезно?! – искренне удивилась девушка, отпрянув назад, чтобы получше рассмотреть человека напротив. – Они живут совсем рядом, и ты не пытался представить, что это за существа?

Льюис отрицательно покачал головой.

– Поверить не могу, – выдохнула Юнис. – Ты чокнутый!

– Эй, я все-таки твой врач! – с деланной серьезностью заметил доктор в ответ на бурную реакцию пациентки.

– Но это правда! – все еще пребывая в изумлении, ответила та.

– Может быть, – улыбнулся Льюис. – Но на самом деле мне некогда об этом думать. У меня слишком много других забот. Пациенты и все такое. И к тому же... мне привычнее думать, что стена защищает нас и потому угрозы не существует. Вот я и не думаю о внешнем мире. Понимаешь?

Юнис открыла рот, чтобы возразить, как вдруг в дверь постучали, и в кабинете показалось круглое лицо Августа.

– Извините, у меня что-то с желудком. Я думаю, что в жареном мясе на обед было слишком много холестерина, –

словно оправдываясь, произнес толстый парень, держась за свой выпячивающий живот.

– Входи, пожалуйста, – пригласил его доктор. – Мы с Юнис уже закончили.

Они понимающе переглянулись с девушкой, и та оставила Льюиса наедине с пациентом.

Время обеда уже прошло, и Юнис успешно его пропустила. Однако после слов Августа о мясе ей вдруг захотелось съесть три порции разом, так запротестовал пустой желудок. Иногда Юнис просто не хотелось видеть остальных абсолютов, встречать их насмешливые или жалостливые взгляды, чувствовать себя белой вороной, даже просто находясь в столовой. Поэтому она раз за разом приходила сюда позже всех. А сегодня и вовсе забыла о еде, засидевшись в кабинете у Говарда.

Но, как ни странно, завернув в столовую, Юнис обнаружила, что здесь еще довольно много абсолютов, однако их внимание сконцентрировано не на еде. Практически все стояли перед небольшим экраном на стене, который еще ни разу не работал на ее памяти. А теперь, очевидно, там показывали что-то довольно важное. Над головами абсолютов какая-то незнакомая девушка со строгой укладкой что-то быстро и эмоционально говорила, вероятно, о каких-то событиях в Конфиниуме. Юнис уже сделала шаг вперед, как вдруг до нее с телеэкрана донеслась собственная фамилия.

– Глава государства, Винсонт Марчелл принес свои соболезнования семье погибшего Ксандера Харрисона...

Юнис застыла, чувствуя, как горло сильно сдавливает.

– ... канцлер лично посетил дом матери троих детей, двое из которых покинули родовое гнездо, чтобы отдать долг своему государству, и предложил им переехать в Столицу...

На экране появился до боли знакомый дом.

Канцлер.

Мама...

Пенни...

Юнис видела, что среди затылков, только одно лицо смотрело на нее. Лицо Асманда, ее старого знакомого, который так тщательно избегал встречи, и вдруг так прямо смотрит в глаза, будто вызывая на разговор. Но Юнис не хотелось с ним говорить, только не сейчас.

Оттолкнувшись от дверного косяка, она зашагала как можно дальше отсюда. Сердце бешено колотилось, мысли спутались. Зачем она увидела это?

Прошел час, пришло время вечерней тренировки. Рукопашный бой – самое любимое занятие! Разглядывая опухшие красные глаза в зеркале, Юнис заодно заметила на своем теле свободные места для новых синяков. Но это не страшно – сейчас ей как никогда хочется выпустить всю энергию и кого-нибудь ударить.

– Тренер! – жалобно взывала Ноэль на том конце трениро-

вочной площадки. – Почему с ней? Я хочу соперника посерьезнее!

– Отставить, Жевьен! – рявкнул Крамб. – Для разминки и этого хватит!

Юнис тихо фыркнула. Никто даже не старается сдерживаться в комментариях на ее счет. Нашли себе подушку для битья... Собрав волосы в хвост, она стала яростно наматывать бинты на кулаки, впервые позабыв надеть вниз перчатки.

– Ну что, Харрисон, – подначивал тренер, – установишь новый рекорд по падениям?

Вокруг все прыснуло от смеха. Но Юнис уже привыкла. Она просто вышла в центр ринга и посмотрела на свою соперницу. Коротко стриженная красивая брюнетка с сильным телом и строгим взглядом. Она смотрела по-особенному ехидно. Можно подумать, бой будет не на жизнь, а на смерть.

Девушки приняли боевые стойки.

Раздался свисток.

Ноэль стала медленно приближаться. Юнис напряглась всем телом, готовясь отражать удар. Но соперница не спешила атаковать.

– У вас в семье все такие? – с ядовитым шипением произнесла Ноэль. – Любите привлекать к себе внимание?

– Заткнись, – сквозь зубы процедила Юнис, чувствуя, как внутри нее просыпается вулкан.

– Может, канцлер твоей маме новых детей заделает?

В следующий момент Юнис себя не помнила. Она потеряла контроль и, словно сорвавшись с цепи, что было силы накинулась на противницу, всей душой желая сделать ей как можно больнее, разодрать ее белокожее лицо, вырвать ее волосы, изувечить!

Но, не успев и пальцем тронуть Ноэль, сама оказалась на спине, почувствовав, как по лицу ей пришелся хороший удар. Перед глазами все расплылось, а затем Юнис увидела брюнетку, сидящую на ней верхом и усердно пытающуюся снова ударить, однако лежащая на полу девушка старательно отбивалась, закрывая лицо скрещенными руками.

Ноэль была сильнее, и после очередного уклонения соперницы ей все же удалось пробить ее защиту и крепко всадить по подбородку. Еще удар – и Юнис почувствовала, как из носа потекла горячая кровь.

– Сто-о-оп! – заорал тренер. – Достаточно!

Но Ноэль не желала останавливаться. Да и Юнис еще не успела отомстить за оскорбления своей семьи. Все вокруг стихли. Никто в этот раз не смеялся.

– Да все, оставь ее! – послышался знакомый голос Раджи.

Юнис видела краем глаза, как к ним спешат чьи-то фигуры, когда Ноэль снова вознесла руку, но промахнулась, ударив по мату. Кулак рыжей девушки пронесся совсем близко от лица брюнетки, и, испугавшись, та словно озверела, вцепившись в ответ в руку Юнис. Бинты размотались, и не

думая ни о чем, кроме желания отомстить, рыжая девушка схватила соперницу голой рукой за плечо.

Раздался дикий вопль, и Юнис почувствовала, что больше никто не прижимает ее к полу.

Задышавшись, она перевернулась на бок и увидела, как стонет Ноэль, прижимая руку к раненному месту. Не понимая, что она натворила, рыжая девушка попыталась встать, и тут ей на помощь подскочил высокий парень в очках. Юрий что-то спросил, но из-за звона в ушах Юнис не слышала его слов. Да и внимание ее приковал Крамб, с угрозой во взгляде надвигающийся прямо на нее.

Глава 7. Виновна

Время уже близилось к ночи. Филипп ровным шагом направлялся в одну из комнат абсолютов, где в очередной раз назревало веселье.

Туда приходили те, кто любил шумные компании, азартные игры и сплетни. Проводя вечера подобным образом, эти люди забывали о своих настоящих проблемах. Филипп же проводил время с пользой: наблюдал за поведением абсолютов, анализировал их речь, способность адекватно выражать свои мысли, умение ладить с другими, и делал выводы, с кем можно будет работать в команде после отбытия за стену.

Среди абсолютов Филипп выделял несколько категорий людей: «трудоголиков», не выделяющихся особым умом, но которых можно использовать как рабочую силу, «инжене-

ров и физиков», которые из консервной банки способны соорудить рацию, «ботаников», разбирающихся в растениях и умеющих находить что-то съедобное даже в пустыне, а также «экспертов», мастерски владеющих новыми полученными способностями, и «серую массу», представителей которой было сложно определить к вышеперечисленным категориям – их Филипп считал претендентами на звание «первой жертвы». Он понимал, что всем абсолютам не выжить, и потому мысленно отсеивал слабых.

– Снова здесь?

Филипп обернулся, услышав голос Ноэль. Девушка медленно приближалась, держась рукой за перевязанное плечо.

– Как и все, – ответил юноша, когда брюнетка поравнялась с ним. – Как здоровье?

– Ох, не делай вид, что тебе не все равно, Фил, – подняв бровь, усмехнулась Ноэль. – Собираюсь сейчас всем раскрыть глаза на Харрисон.

– У тебя к ней личная неприязнь? – поинтересовался Филипп, понимая, что особой выгоды унижать Юнис у нее нет. – Или просто нужна игрушка для битья?

– Ну, в этот раз побили меня, – поправила брюнетка с хитрой ухмылкой. – А этого делать не стоило.

– Да уж, с тобой опасно иметь дело, – заметил юноша.

– Не так опасно, если ты довольно смел, – Ноэль шагнула ближе, подняв на парня томный взгляд. – Хочешь проверить себя?

Филипп заметил, как расширились ее зрачки.

– Зайдем внутрь, – предложил он и открыл дверь перед девушкой.

Юнис вошла в комнату и поняла, что здесь никого нет. Она была немного удивлена и даже не предполагала, где могут находиться ее соседки, после того как был объявлен отбой. Но так даже лучше. Ее окружили серые стальные стены и долгожданная тишина.

«Что за монстра из меня сделали?» – вертелось в голове девушки. Она так жаждала ранить Ноэль, что забыла обо всем. Но даже сейчас, стараясь почувствовать вину, Юнис не могла этого добиться. Ей не было жаль Ноэль. Она ответила за свои слова. Но осознавать то, что собственная сила неподвластна никакому контролю, становилось все тяжелее. Приобретенный дар не помогает, а только усложняет жизнь Юнис.

Девушка грузно повалилась на кровать. Она так устала за этот день. Ее тело было вымотано ровно, как и мысли. В голове творился хаос. Юнис уже не знала, как реагировать на все происходящее вокруг. Когда на экране показалось лицо матери, убитое горем, сердце девушки хотело разорваться от тоски. Как же они там без нее? Справляется ли мама? Не ушла ли в себя Пенни после всего произошедшего? Мысли о близких сводили Юнис с ума. Между ними выстроили стену, которую ей теперь никогда не пересечь. Ксандер... Мог

ли он подумать, что его сестра будет находиться вот так далеко от дома и с ужасом ждать своей участи? Ей так сейчас не хватало его совета. Вот если бы ее сразу забрали вместо него...

Подумав об этом, Юнис окатил волной очередной жар. Все могло быть иначе. Но почему сейчас уже нельзя ничего изменить?

А если бы Ксандер в этот момент сидел сейчас здесь, стал бы он мучить себя подобными мыслями? Он бы наверняка принял свою судьбу достойно. Этот человек мог перенести на своих плечах любые тягости, в отличие от своей сестры, состояние которой граничило с нервным срывом. Она вообразила, как он получил такой же дар, как у нее. Ксандер не стал бы жаловаться на свою судьбу. Девушка посмотрела на соседнюю пустую койку, представив сидящего на ней рыжеволосого парня с серьезным взглядом.

– Ксандер... – в тишину прошептала девушка, чувствуя, как горячая слеза скатывается вниз по щеке. Образ брата был таким реальным, что Юнис на секунду поверила, что он и правда находится здесь.

– Я с тобой, Рыжик, – уверенно ответило воображение.

– Я так устала, – заплакала девушка, позволив жалости к самой себе вырваться наружу. Почему все это происходит именно с ней?

– Оставайся сильной.

Именно так бы он и сказал.

«Я слабая», – хотела бы произнести Юнис, но ее губы дрожали так, что не могли вымолвить хоть что-то внятное. Девушка закрыла лицо руками. Слезы уже не слушались, заполняя глаза и орошая щеки.

Нет, в этот раз Юнис жалела не себя, а то время, проведенное с братом, которое теперь уже никогда не вернется. Всего лишь месяц назад он был рядом. Вот бы повернуть время вспять и вернуться к тем беззаботным дням, проведенным вместе. Тогда бы Юнис больше ценила каждую минуту, каждый миг. Почему тогда она не понимала, насколько была счастлива? Все прошлые проблемы стали ничтожными. В один день жизнь перевернулась с ног на голову, и теперь кажется невозможным найти хоть какой-нибудь смысл в своем существовании, которое становится невыносимым. Юнис просто пыталась выжить, но не понимала, зачем.

Время было уже давно за полночь, а в комнате номер девять было по-прежнему шумно. Время азартных игр и веселья закончилось, и теперь велись оживленные беседы обо всем, что приходило абсолютам на ум. Кто-то вел рассказ о своей интереснейшей жизни до прибытия в Кастрис, кто-то признавался друг другу в любви, многие спорили о том, что их ждет за стеной. Понемногу некоторые уходили спать в свои комнаты.

Филипп сидел рядом с Раджи, краем глаза наблюдая, как на соседней койке Ноэль жалуется на свою боль в плече со-

бравшимся вокруг нее абсолютам. Те сочувственно глядели на раненую девушку, чуть ли не открыв рты – так красноречиво она описывала момент, когда Юнис опалила ее во время схватки.

– Она и правда опасна, – шептал парень по имени Джерт. – Как они разрешили ей находиться с нами? Они хотят, чтобы она всех тут спалила, и никто не попал за стену?

– А ты так жаждешь туда попасть? – огрызнулся Раджи, сверля взглядом этого парня.

Тот растерялся, а затем снова принял возмущенный вид.

– Лучше я постараюсь выжить там, чем сгорю заживо от рук какой-то неадекватной девчонки!

– Я видела в ее глазах такую ярость! – продолжила бравировать Ноэль. – Это была жажда смерти, она явно хотела убить меня...

– И было за что, – хмыкнул Раджи, даже не стараясь скрыть свое презрение.

– Что это? Ты на ее стороне, Ворон? – скрестив руки на груди, недоверчиво спросила раненая девушка.

– Я ни на чьей стороне, – твердо заявил смуглый парень. – Но в этот раз ты сама напросилась.

– Я лишь озвучила то, о чем думал каждый из нас, – не сдавалась Ноэль. И вряд ли ее можно было переубедить.

– Это так, – подхватила темнокожая девушка Рудо, сидевшая рядом с Джертом. – Мы все возмущены тем, что показали по новостям.

Все вокруг включились в разговор и стали выкрикивать свои недовольства по отношению к Юнис и к ее семье, которую так несправедливо выделил канцлер. Филипп молча наблюдал за происходящим безо всякого интереса. Этот случай взбудоражил чувства каждого, и теперь за абсолютов говорили эмоции, которые перекрывали здравый смысл. Вот еще вчера никто не брал новенькую в расчет, а сегодня она взбрыкнула и показала клыки. Чем не потеха?

Тем временем Раджи уже вскочил на ноги, активно жестикулируя руками, пытаясь что-то доказать разгоряченной толпе. Ноэль взобралась на стул, тыча в Ворона пальцами и отстаивая свою позицию с пеной у рта.

– Если она вспыхивает от любого неправильного слова в свой адрес, этой девчонке место где-нибудь в психушке, но явно не среди здоровых людей!

– Посмотри на себя! – чуть не расхохотался Раджи. – Кого ты называешь здоровой?!

– Чего ты добиваешься? – вмешивался Джерт. – Чтобы мы признали эту сумасшедшую своим другом?

– Я не хочу даже находиться с ней поблизости, – в панике лепетала Рудо.

– Сначала из-за нее шестерых расстреляли, затем Ноэль пострадала, чего еще от нее ждать?

– Но ее все равно отправят с нами...

– Слышали бы вы себя со стороны! – вдруг послышался твердый голос с ноткой отвращения. Все взгляды обратились

к парню, который стоял у входа, сжав кулаки. – О каком выживании за стеной может идти речь, если вы боитесь девушки, которая такая же, как мы?

– Она может сжечь тебя заживо! – сверкнув глазами, как можно убедительней произнесла Ноэль. – Это не шутки, Юрий.

От ее слов лицо юноши и без того неестественного болотного оттенка еще больше позеленело от злости. Он поправил очки на носу.

– Юнис очнулась несколько дней назад и еще не умеет управлять своей силой. Это нормально. Вспомните себя после введения сыворотки.

Как ни странно, но его слова каким-то чудом утомили абсолютов. Все стихли, прислушиваясь к Юрию. Обычно этот парень вел себя незаметно, не привлекая особого внимания. Видимо, в этот раз что-то задело его за живое, и он решил высказаться. Филипп подался вперед, чтобы лучше видеть происходящее.

– Вы ведете себя, как трусы, не желая понимать очевидного – Юнис просто не нравится Фридману, и он всеми способами пытается надавить на нее и сделать изгоем.

– Да что ты несешь? – скривил лицо Джерт.

– Послушайте! После того, как Юнис высказала свое недовольство в лицо Фридману, ей ввели неизвестную сыворотку, узнали результат, взяли нужные анализы и решили избавиться от нее. Думаете, новости, которые почему-то допу-

стили в эфир Кастриса, тоже случайность? Если вы правда ничего не понимаете, то вы стадо тупых баранов!

Юрий не дождался реакции абсолютов и вылетел из комнаты, трясясь и чуть ли не дымясь от негодования. После его ухода несколько секунд стояла гробовая тишина, а затем все принялись обсуждать его слова.

Филипп сидел, потупив взгляд в закрывшуюся за Юрием дверь, находясь в странном замешательстве. Этот парень был далеко не глуп, и из всех категорий он относился к физикам, ум которых был очень и очень ценен для абсолютов. Его слова были вполне справедливыми. Переосмыслив все случившееся еще раз, Филипп понял, что действия Фридмана и правда не обоснованы, и единственным оправданием могла быть только личная неприязнь к Юнис Харрисон. Наверное, в этой девушке командир видел какую-то угрозу, но какую? С чего бы главе Кастриса бояться обычной девчонки?

– Фил, а ты что скажешь? – обратился к нему парень по имени Максвелл. – Что ты думаешь насчет слов Юрия?

Филипп поднял голову и увидел, что на него обращены взгляды всех, кто находился в этой комнате. Наверное, он был единственным, кто еще не высказался. К тому же, юноша отлично знал, что его мнение для многих являлось авторитетным. Почти каждый спор разрешался только с помощью слова сына канцлера.

– Думаю, Юрий прав в том, что ее не стоит бояться, – уверенно произнес Филипп, и в комнате вновь воцарилось бур-

ное обсуждение.

Краем глаза юноша заметил, как к двери почти незаметно пробрался один из абсолютов и молча вышел из комнаты, словно стараясь оставаться незамеченным...

– Филипп... – чей-то шепот посреди ночи заставил юношу проснуться. Кому не спится в такой час? Парень снова закрыл глаза, решив сделать вид, что крепко спит.

– Эй, Фил, – позвал голос чуть громче, и стало ясно, что это Септимий не может уgomониться. Филипп не был удивлен, ведь этот парень не только мог проснуться среди ночи, да еще и частенько бродил в темноте по комнате, пугая всех остальных. Нет, он делал это не специально, а утверждал, что ему приходят разные видения, и он путешествует во сне по другим мирам. Услышав его зов еще раз, Филипп глубоко вздохнул, поворачиваясь к длинноволосому парню лицом. Неужели ему стало скучно путешествовать в одиночку?

– В чем дело? – почти в голос прошипел Филипп, пытаясь привыкнуть к темноте и разглядеть черты юноши на соседней койке.

– Наконец-то. Я уж хотел кинуть в тебя подушкой, – непринужденно произнес Септимий, отчего Филиппу захотелось треснуть ему по голове.

– Чего тебе? – медленно зевая, спросил Филипп, зная, что пока он его не выслушает, парень не отстанет. Если вдруг

они разбудят Раджи, то Септимию не поздоровится вдвойне.

– Я тут подумал, – начал, наконец, юноша. – Мне кажется, Кэрри ко мне равнодушна.

– О, Боже! – Филипп закатил глаза, с головой ныряя под одеяло.

– Нет, я серьезно! – почти в голос воскликнул неугомонный юноша. – Я стал замечать, как она смотрит на меня, как говорит со мной, краснеет, смеется...

– Может, потому что ты клоун? – буркнул Филипп, высунув голову из-под одеяла.

– Самое главное, она мне тоже нравится, – пропуская шутки Филиппа мимо ушей, продолжал Септимий. – Она такая добрая, такая сильная внутри и слабая снаружи. Мне хочется защищать ее...

– Какое счастье! Вы только посмотрите на него, – иронично сказал Филипп, подперев подбородок рукой и с умилением глядя на влюбленного друга.

– Знаешь, ведь именно на любви держится весь этот мир...

Филипп покачал головой, подумав о том, в каком мире они сейчас живут. Люди ставят это чувство на последнее место после чувства самосохранения. Взять, например, его отца. Но как удивительно приятно видеть, с каким трепетом лепечет сейчас Септимий. Интересно, он самый наивный или же самый мудрый из всех?

– Послушай, Филипп, кто знает, как скоро нас постигнет

смерть. С каждым днем, я чувствую, она все ближе и ближе к нам. Возможно, нам осталось радоваться жизни считанные дни. Вдруг мы погибнем, как только пересечем стену? И что тогда? – Септимий перевернулся на спину, подложив руки под голову и задумчиво глядя на потолок, словно он видит там звездное небо. – Я должен сказать ей о своих чувствах.

– Это бессмысленно, если ты собираешься скоро умереть, – с долей иронии в голосе произнес Филипп, начиная задумываться над словами друга. Иногда его бред казался умнее всяких других речей.

– Пусть в ближайшем будущем мы разлучимся, но мы сможем хотя бы недолго побыть рядом, – уверенно объяснил Септимий, улыбнувшись самому себе. – И к тому же, наши души все равно встретятся даже после смерти...

Юноша мечтательно глядел в потолок, а Филипп восторженно следил за его эмоциями на лице. Неужели он все еще верит во все это? Как можно после стольких горестей в жизни все еще надеяться на светлое будущее? Наверное, в этом и заключается вся сила Септимия. Именно поэтому он еще жив.

– Знаешь, что я тебе отвечу? – вдруг произнес Филипп, прервав мечтания друга. – Скажи ей все это.

– Ты думаешь? – воодушевленно и в то же время взволнованно спросил Септимий.

– Ответит она взаимностью или нет, какая разница? Нам уже нечего терять...

Юнис сидела за столом в отдельном кабинете, и перед ней лежала большая стопка книг, пугающая той информацией, которая могла скрываться внутри. Дело в том, что добродушный Говард велел своей провинившейся подопечной прочитать их все. В них, как он говорил, записаны все исследования последних десятилетий о мире за стеной.

В то время, как другие абсолюты совершенствуют свои способности, Юнис не должна сидеть без дела. Наставник, конечно, был безгранично разочарован последним поступком этой девушки и не раз причитал, почему именно она досталась ему под опеку. Но все же то, что он не бросил все на самотек и потрудился найти для нее хоть какое-то занятие, заставляло Юнис прощать наставнику его резкие реплики в ее сторону, ведь его действия говорили о том, что Говарду не все равно на судьбу девушки.

Юнис задумчиво перелистывала одну книгу за другой, не находя в них ничего, что могло бы заинтересовать ее. Это занятие уже начинало казаться ей бессмысленным и скучным. Правильно ли это, сидеть за книгами, когда до отправки осталось три дня? Хотя зачем обманывать себя: тренировки не помогут ей стать сильнее. Только не за такой короткий срок.

Размышления девушки прервал звук отворившейся двери.

– Почему ты здесь прохлаждаешься?! – воскликнул Лью-

ис, стремительно приближаясь к столу, где сидела рыжеволосая девушка в окружении книг. Его губы расплывались в широкой улыбке. Юнис подняла на него изумленный взгляд.

– Я...

– Бедняжка моя, Говард снова над тобой издевается! – иронично произнес он, присев на край стола и взяв в руки одну из книг.

Юнис чувствовала себя лучше, когда Льюис оказывался рядом. Они словно были знакомы уже не первый год. Этот человек вселял спокойствие в ее сердце и вызывал улыбку.

– Он не виноват, – вздохнула девушка, понимая, что Говард старался как лучше. – Это я горе луковое...

– Тут не поспоришь! – смеясь, произнес мужчина, блеснув своими глазами. – Но позволь тебя осчастливить...

Льюис вдруг полез в карман. Девушка сдвинула брови, проследив за его рукой, как вдруг он вытащил оттуда знакомый до боли медальон.

– Ты оставила его при осмотре, помнишь? – улыбнулся молодой мужчина, видя, как растрогана девушка.

Юнис приняла медальон и с нежностью провела по нему пальцами. В нем до сих пор оставалось последнее прикосновение Ксандера. Будто еще вчера брат отдал его ей...

Льюис решил прервать размышления Юнис, достав какую-то книгу почти с самого низа той огромной стопки, которая возвышалась над столом.

– Ты помнишь о нашем с тобой уговоре? – спросил он, не

отрываясь от просмотра книги.

– Странно, что ты первый заговорил об этом, – улыбнулась девушка. Она знала, что теперь может попросить у этого человека все, что угодно. Естественно, она уже думала об этом.

– Можешь озвучить свое желание, – поднял свои голубые глаза Льюис, уставившись на девушку, которая смотрела на него хитрым взглядом. – Я могу просить об адекватности твоих намерений? – слегка настороженно, но в то же время понимающе спросил мужчина.

– Разумеется, – уверенно произнесла Юнис. Она понимала, что этот человек не может вернуть ее брата, не сумеет возратить ее домой, а это все, о чем мечтала девушка сейчас, но все же она смогла придумать более реальное желание. – Перед отправкой достань для меня то, что скрасит мою жизнь за стеной...

Льюис задумчиво потупил взгляд в пол. Похоже, его мозг активно работал, впитывая слова Юнис. Возможно, она заставит его поломать голову. Но она не смогла придумать ничего конкретней, потому что не знала, что ей понадобится там, в неизведанном мире. Пусть Джаред, наконец, пофантазирует на тему мира за стеной. Нельзя же бесконечно избегать мыслей о том, что находится так близко от тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.